

ВЕРОНИКА
ТОРБАЧЕВА

Когда возвращается

РАДУГА

книга 1

Вероника Горбачева

Когда возвращается радуга. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521132

SelfPub; 2024

Аннотация

В десять лет её крохотный уютный мирок был раздавлен, словно скорлупка грецкого ореха под пятой горного тролля. Вряд ли ей удалось бы выжить среди гурий Сералея – некрасивой, рыжей, да ещё и заике... Но получилось. Трудно из такой вылепить звезду гарема, усладу поздних лет стареющего тирана. Но пытаться будут. Однако далеко не всегда судьба человека решается так, как расписали её другие.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	36
Глава 2	81
Глава 3	120
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Вероника Горбачева

Когда возвращается радуга. Книга 1

Пролог

Рыжих в гареме не жаловали.

Не то чтобы в тычки гоняли, нет. Гонять, собственно, было некого. Ведь после смерти любимой кадины – фаворитки Великого Султана, огненнокудрой Найрият (что на языке предков означало «Сияющая») с женской половины дворца исчезли не только наложницы, но даже служанки и рабыни, в чьих косах пылали отблески жарких костров или утомлённого вечернего солнца. Да, исчезли, словно по мановению руки могущественнейшего сказочного джинна, ибо так было угодно прекрасной Айше, блюстительнице покоя Солнцеликого. О дальнейшей судьбе несчастных, виновных лишь в том, что родились с неуютным кому-то цветом волос, охотно поведали бы почтенные торговцы живым товаром, обитающие неподалёку от куриного базарчика к северу от ворот Нуруосмание. С точностью до куруша они сообщили бы, (за соответствующую мзду, конечно!) сколько золота, в коем бы-

ла оценена красота опальных дев, осело в кошеле Капа-агасы, главного белого евнуха ТопКапы; сколько пошло на коммиссионные им самим, сирым и убогим торговым людишкам; и сколько, в конце концов, добралось до казны Великого Султана, знать не знавшего, кстати, о поспешной, но такой выгодной для некоторых сторон оптовой продаже цветков Серая. Дивноликих и волооких, бархатнокожих и сереброгосых, безупречного телосложения и воспитания, ибо даже рабыни во Дворец наслаждений подбирались под статью одалискам. Ежели, например, прекрасная дева-наложница оценивалась при покупке не менее чем в шестьдесят тысяч монет, а то и больше, то и рабыня её обходилась недёшево: все двадцать-тридцать тысяч. Тогда как за простого раба или евнуха давали в десять раз меньше.

Впрочем, кто будет утруждать Солнцеликого меркантильными подробностями? Да и сделка, что состоялась, пусть даже и за его спиной, была отнюдь не незаконная. Почтеннейший Капа-агасы, дабы изначально пресечь ненужные слухи, равно как и возможное давление со стороны покупателей, изначально поставил последних в известность: он не более чем исполнитель воли хасеки-султан Айше, Первой жены Повелителя, нового солнца, давно уже упрочившего свои позиции на небосклоне Серая. Светилу безразличен кратковременный фавор какой-то там рыжей ирландки, чудом занесённой ветрами перемен на ложе супруга и удержавшейся там не иначе как по прихоти судьбы, которая поставила, в конце

концов, каждого на своё место. Фаворитки приходят и уходят, а она, главная и любимая жена Солнцеликого, родившая первенца, будущая валиде, остаётся. Навеки.

Хасеки-султан проявляла ангельское терпение и снисходительность, будучи очаровательно терпима к слабостям венценосного мужа. Повелителю захотелось вкусить иных наслаждений? И не от неё, горячей черкешенки, а от северной девы, холодной, хоть и с гривой, горящей, как пылающая головня? Пусть вкушает, полакомится чем-то новеньким, экзотичным. Тщедушная девчонка, рождённая от этого союза, не помеха семейному счастью. Ведь именно Айше – единственная жена. Она не какая-нибудь гюзде – «впервые замеченная», не икбал – «удостоенная взойти на ложе», не кадина – избранная фаворитка, а жена султана перед Аллахом и людьми! И это её сын провозглашён Шахзаде, наследником Османского престола. А маленькие близнецы, рожденные Найрият, даже не успели стать ему помехой. Аллах милосерднейший сам всё устроил так, чтобы первым родился сын Айше; вот его-то Баязед и назвал Шахзаде, и теперь будет любить вечно, его, а не маленьких рыжих ублюд... детёнышей, по какому-то недоразумению ненадолго появившихся на свет.

О, да, хасеки-султан снисходительна и мудра. И, разумеется, её любовь к Повелителю безгранична. А раз так – после неожиданной смерти фаворитки, повлекшей за собой целый месяц скорби и глубочайшего траура со стороны госпо-

дина, ни одно рыжее существо женского пола не должно появиться у него на пути, нигде, даже случайно: ни в просторных залах, ни на садовых дорожках, ни в мозаичных галереях и переходах Дворца. Ведь одним своим видом злосчастные создания могут напомнить султану о бывшей возлюбленной, покинувшей сей мир вместе с двумя крошечными сыновьями. Кто ж виноват, что слабенькие младенцы прожили всего три дня! Совсем немного порадовали собой этот мир – и вот уже души их вознеслись в райские кущи, а бедная мать угасла вслед за ними, не перенеся утраты... Такая молодая, такая красивая! На день смерти Найрият едва минуло девятнадцать.

А всё – проклятая родильная лихорадка, одинаково равнодушно отнимающая жизни как в убогих саклях, так и во дворцах. Сам прославленный лекарь, знаменитый Асланбей, признанный миром новым Абу-ибн-Синой-Авиценной, примчался в тот роковой день в ТопКапы по зову Повелителя, но даже он, седобородый и всезнающий, не смог отогнать от умирающей Ту, что Разрушает дворцы и Разгоняет собрания. Случись иначе по воле Аллаха – и она успела бы стать второй женой Баязеда, матерью ещё одних наследников. Разве Айше тогда воспротивилась бы или взбунтовалась? О нет, любя всем сердцем Повелителя, она смиренно приняла бы его волю и отнеслась в его избраннице, как к родной сестре. Но провидение распорядилось по-своему.

А хасеки-султан – по-своему...

Ибо горе владыки не поддавалось описанию, а она, как добрая супруга, всего лишь попыталась облегчить его страдания.

Говорят, что и теперь, спустя семь лет после кончины Сияющей, рана в сердце султана кровоточит. Временами Повелитель впадает в меланхолию, и не унять её ни лекарствами, ни разговорами мудрецов, ни стараниями всё ещё несравненной черкешенки Айше, подарившей за этот срок Повелителю второго наследника, а заодно и дочь, сияющую в невинной красоте, как край Луны. Но во дни тоски не радуют Властителя ни жена, ни дети. Приёмы искуснейших в любовных утехах одалисок ему давно приелись, сокровища не радуют, война не интересна, жалобы просителей оставляют равнодушным. Горе, горе его подданным в такие дни, ибо, обычно ласков и приветлив, бывает он тогда хмурен и гневлив, и упаси Аллах – попасться под горячую руку!

Поэтому-то, после выгодной распродажи неугодных своим видом наложниц и рабынь, ни одна рыжекосяя дева больше не переступила арку Пушечных Ворот, а затем и Гаремного Двора. Там царствует хасеки, а с недавней поры, после кончины почтеннейшей матушки султана – новая валиде Айше, о которой говорят, что мудрость и великодушие её под стать неувядающей красоте, что уста изрекают лишь непреложные истины, а деяния сопровождаются хором восхвалений. Она – единственная владычица женской части дворца и половины сердца султана, а, возможно, и той обла-

сти его ума, которая отвечает за управление Великой Империей, созданной когда-то Османом, сыном Эртогрула. Она одаривает своими милостями снисходительно и непринуждённо, впрочем, ни на миг не позволяя окружающим забыть, что от её взгляда зависит их будущее, а, возможно, и жизнь. С ней жаждут поговорить тайком визири и паши, адмиралы и послы. При её сдвинутых бровях трепещет, а затем цепенеет в страхе Сераль, судорожно изыскивая очередную откупную жертву.

Впрочем, Айше добра, как уже упоминалось, и зря не люзует. Чего только стоит её постоянная забота о бедной сиротке, оставшейся после смерти соперни... о нет, слабенькой фаворитки! Как, бишь, её зовут, эту девчонку? Ирис? Что за странное имя! Ирис – пышный цветок, изысканный, как орхидея, прямолиственный, как лучи небесного светила, переливающийся бархатистыми и тончайшими, как загадочный чайнский шёлк, лепестками! И никак не подходит это имя к лягушонку-заморышу, единственному рыжему существу, оставшемуся в ТопКапы после смерти милой когда-то сердцу султана Найрият. Ах, да, при этой крохе осталась ещё и кормилица, почти в масть дитяти, красноголовая Мэг... Но эти двое – на особом счету, на них до сих пор падает тень венценосного Баязеда, и потому – нынешней валиде и в голову не придёт от них избавиться, как от каких-то презренных наложниц. О, нет, только забота, только внимание!

...Хотя бы потому, что эта Ирис появилась на свет, когда

её мать числилась в простых икбал: вроде уже возвысилась над рядовыми одалисками, но звания кадины так и не удостоилась, поскольку родила не сына, а дочь. Дочь! Тьфу, это недоразумение даже принцессой назвать нельзя, пока Повелитель сам того не захочет. Разве что увидит её случайно и решит приголубить, а заодно и сделать что-нибудь приятное. Ох уж, эта сиротка...

Да пусть себе живёт и здравствует, во имя Аллаха, Всемилостивейшего и милосердного; но венценосному отцу лишний раз видеть её незачем. Ведь, может статься, попав ему на глаза, девчонка напомнит о своей умершей матери, и у султана вновь разыграется приступ чёрной хандры. Ни к чему это. Задача добродетельной супруги – не допускать к сердцу Повелителя ничего огорчительного, а посему в верхних апартаментах Серая, где обитают кадины и икбал, а уж тем более – во Дворе валиде рыжей сиротке не место. Прочь! Трёхлетний ребёнок спокойно поживёт и в общем гареме.

Так мудро и милосердно решила Айше.

Впрочем, не стоило забывать, что их господин мог однажды и сам вспомнить о несчастенькой, а потому – она проявила предусмотрительность. Никому, в сущности, не нужную сироту поселили не в общем зале для простых наложниц, а в отдельной комнатке, со всем уважением к статусу султанской дочери, хоть и не провозглашённой принцессой. Разве это не благородный поступок? Правда, покои эти оказались в самом отдалённом уголке дворца, но ведь ребёнку

лучше расти в тишине.

Разумеется, дитя не осталось без присмотра. Служанка покойной Найрият, кормилица Мэг долго умоляла оставить её при крохе, и мягкое сердце Айше дрогнуло. С одной стороны, нехорошо, что пара работоспособных рук остаётся без дела; ну, да ведь не объедят они гарем, кроха и её нянька, тем более что привилегия в виде ежедневных пятнадцати блюд, полагающаяся когда-то матери, как фаворитке повелителя, на малышку не распространяется. Пусть едят то же, что и простые наложницы. Так решила хасеки-султан, прозорливо и экономно.

Решила и... предоставила этих двоих собственной судьбе. До поры до времени. Султанская кровь ещё пригодится. Например, при решении мирных переговоров с каким-нибудь зарвавшимся соседом-царьком могла понадобиться и принцесса... но зачем же отдавать в неизвестные земли родную кровиночку? Вот, есть сиротка, тоже почти принцесса, между прочим. Как рассудит Повелитель, так и будет. А рассудит он, конечно, не без помощи верной жены и советчицы.

Вот и росла, наособицу от других детишек, хоть редко, но рождающихся иногда в гареме, маленькая рыжая Ирис, дочь избалованного славой Баязда и его последней услады Найрият, о которой мало кому известно было помимо того, что родом она из далёкой варварской страны. Девочка так и оставалась под присмотром любимой няни Мэг, слушала сказки о далёкой Ирландии, о мудром и добром Иисусе, ко-

торого здесь уважали и называли пророком Иссой, о его матери Мириам. Жадно внимала рассказам и о своей матушке, красивой, весёлой, любимой; вестям об отце, которого видела всего три раза, да и то издалека. А потом Мэг и вообще запретила о нём говорить – только с ней, только наедине. Нельзя, чтобы об их родстве знали. Нельзя. Ирис верила нянюшке истово, а потому, хоть и задавалась иногда вопросом – почему нельзя? – всё равно слушалась.

А вопросов-то было множество.

Почему все девочки и наложницы ходят с распущенными волосами или в хорошеньких кругленьких шапочках, а ей, выходя из своих убогих «покоев» непременно нужно туго повязывать платок или подбирать волосы под надоевшую плотную повязку?

Почему можно бегать во дворе, на кухню, заглядывать в хаммамы, в дальний сад, а в покои «больших» девочек не соваться? И на второй, а особенно на третий этажи дворца не лезть ни в коем случае, даже в сторону лестниц не коситься? Кто такие – «Избранные»?

Почему нужно обязательно спросить разрешения, чтобы поиграть с детьми, гуляющими в *особом* дворике, куда, кроме них и нянек, никого не пускают?

Почему их общий отец, Великий султан, находит время для её братьев и сестриц, а о ней, почти самой старшей, не помнит? Почему матушка Алишера и Лейлы глядит на неё с отвращением и брезгливостью, как на какого-то паука? Од-

нажды Ирис случайно столкнулась с ней и сама была не рада. Нянюшку после этого долго ругали, и теперь, перед тем, как пойти поиграть в *особый* дворик с *особыми* детьми, приходилось узнавать, чем занята хасеки-валиде, и не вздумается ли ей в это же время навестить маленьких шахзаде.

В общем, довольно рано Ирис поняла: чем ты незаметнее, тем лучше. Не лезь на глаза. Не задавай лишних вопросов. Не зли и не раздражай никого. Думай о людях что угодно, но держи мысли при себе. Терпи. Жди.

Может, отец о тебе ещё вспомнит.

Может, всё изменится к лучшему.

Может...

О последнем Мэг не говорила, но у малышки Ирис были ушки на макушке и умная головушка, и не раз она слышала перешёптывания взрослых девушек о том, что Айше-хатун уже – страшно подумать – скоро тридцать, а гарем пополняется и пополняется молоденькими одалисками. Не всё этой тиранше одной-единственной держаться за спинку трона, глядишь, рано или поздно придётся подвинуться... Ирис едва не схлопотала взбучку, однажды пересказав няньке подобные разговоры.

– Не смей! – грозным шёпотом предупредила Мэг. – Пусть другие болтают, что хотят, и сами за это расплачиваются, а ты – молчи! У *неё* везде свои уши. Длинноязыкие здесь долго не живут, запомни!

Она запомнила.

Но детское сердце беспечно. Ему свойственно больше тянуться к хорошему, нежели помнить о плохом. А потому – Ирис часто не замечала косых и хмурых взглядов, была отзывчивой и доброй, послушной и ласковой.

Прошло несколько лет, и в Большом Гаремном Дворе почти никто не помнил, кто такая эта егоза, что крутится то по саду, то на кухне, то в банях – помогает, как может, ещё молодой женщине, вечно не снимающей тёмного платка. И почему ей позволяют играть с детьми самого Солнцеликого? На вопросы любопытных новых одалисок главный евнух отвечал скупое, что дитя – дальняя родственница Повелителя и живёт при гареме из милости. Гурии тотчас теряли к ней интерес. До того ли, если у каждой в сердце мечта: выбиться хотя бы в гюзде, «замеченную», а там – шаг за шагом, потихоньку, глядишь – и потеснить хасеки-султан... Они юны и свежи, а прекрасная Айше не молодеет. Сераль же – сказочное место, где, говорят, даже посудомойка или банщица может вознестись до небес, попадись в счастливый час на глаза повелителю правоверных.

Приподнявшись с корточек, Ирис стряхнула с ладошек жёлтую пыльцу, не заметив, что такая же солнечная полоска осталась на носу и на щеке. Повторила, улыбаясь, смешное название:

– О-ду-ван-чик...

Каким ветром занесло сюда пушинку северного гостя, что притаился сейчас под розовым кустом в гаремном садике? Подражая Мэг, девочка, не сдержавшись, снова нежно коснулась пушистых, как цыплятки, раскрытых блюдечек-головок. И вспомнила, как у няньки увлажнились глаза и задрожал голос, когда они с ней впервые обнаружили этих крошечных гостей. Она ахала и качала головой:

«Милые вы мои, да как же вы сюда попали? Ах, вот оно что! Смотри, детка! Вот откуда они перелетели!» – И ткнула пальцем в сторону решётчатой ограды, отделяющей сад от мужской половины. Ирис тогда ещё захихикала.

«Цветочки умеют летать?»

«Ещё как умеют. Это ведь одуванчик, милая, понимаешь? Он скоро отцветёт – и станет круглым шариком из пушинок, дунешь на них – и разлетятся во все стороны. Это цветок с моей родины».

«Его принёс пустынный ветер?»

Мэг вытерла слёзы.

«Не думаю, детка. Моя родина далеко, очень далеко, я же рассказывала. Пустынный ветер туда не долетает. Разве что...» Вздохнула. «Наш повелитель иногда прогуливается здесь со своими гостями из других стран. Может, у кого-то к сапогу и прилипло семечко. Да и проросло: сперва на той стороне, а уж потом семена перелетели сюда. Или, знаешь, как бывает... Попали в зерно, которым птиц подкармлива-

ют, а с птичьим помётом – сюда... Всё может быть. Ох, Ирис, детка, надо же, одуванчик... Прямо как у меня в огороде. Сколько же я их повыпалывала, да ругалась на них чёрными словами – сорняки ведь, и никогда не думала, что так обрадуюсь им однажды, прямо как родным...»

Она осеклась. Но десятилетняя девочка вдруг всем сердцем почувствовала тоску этой немолодой, как ей казалось, женщины, заменившей маму. Надо же... В гареме так хорошо и спокойно, если не считать придинок к ней, Ирис, а Мэгги, оказывается, до сих пор грустит о далёкой стране, в которой, наверное, и жить-то невозможно из-за жуткого холода. Но, несмотря на морозы, в далёкой Ир-р-рландии – как раскатисто любила выговаривать Мэг – бывают иногда и солнышко, и весна... раз уж зацветают цветы.

С тех пор эта местинка под розовым кустом стала их Большим Секретом. Их, да ещё главного садовника, который, скрепя сердце и опустив в карман несколько медных монет, согласился не выпалывать иноземный сорняк. Пользуясь свободой, когда нянюшку отзывали на помощь служанкам в гаремных банях, Ирис каждый день прибегала сюда, чтобы не упустить, когда жёлтые тычинки побелеют и, наконец, распушатся. Ей всё не верилось, что плоский, как монетка, диск соцветья вдруг обернётся идеальным шариком. Хотелось увидеть волшебство собственными глазами.

Но сегодня они всё ещё были жёлтые и целёхонькие.

«Шр-р-р»...

Она вздрогнула от странного *чуждого* звука и завертела головой Что это?

«Шор-р-р...» – донеслось откуда-то издалека, не из-за ограды, а намного дальше, словно зарокотало море, о котором часто рассказывала няня, но которому неоткуда было здесь взяться. «А-а-а... У-у-у... Шр-р-р...»

И почему-то залютовали, зарычали львы в питомнике Повелителя, которого Ирис запрещали называть отцом даже мысленно. А вот павлины в саду больше не орали. Но даже звериный рык не мог заглушить непонятного шума.

Она тогда ещё не знала, что это рокотала толпа, согнанная янычарами Хромца под стены ТопКапы. Да что могла понять девочка, почти не покидавшая гаремных покоев и садика? Для неё весь мирок был ограничен крылом дворца и оградой, и ни нянька, ни служанки и евнухи, и уж тем более ни сытые холёные одалиски не ведали, что творится в страшном неизвестном Извне, называемом иногда Константинополем. Одни хоть и выходили из дворца по надобностям и поручениям, но слухами делились только меж своих, прислужников, другим было лишь до самих себя и своего места под солнцем... вернее, у ложа султана. Ирис не являлась им помехой по своему малолетству, поэтому ей и не доставалось тычков от взрослых див. К тому же по девчачьему легкомыслию и в немалой степени из-за опеки Мэг, коршуном охраняющей любимицу, она не видела или не обращала внимания на мелкие склоки и пакости, без которых редко прохо-

дил день в Серале. Дети видят мир по-своему. Для Ирис её комнатка и любимый уголок сада были Раем.

«Шор-р-р», – пророкотало вдалеке снова, но девочке это было уже не интересно. Она вдруг заметила неподалёку в траве ещё одно жёлтое пятнышко и ещё. Целую россыпь! Одуванчики заполоняли новые земли, как маленькие завоеватели, победно покачивая яркими цыплячьими тюрбанами. Они были восхитительны. Они были везде.

От восторга Ирис крутанулась на пятке. Взметнулись, запылали на солнце рыжие кудри до пояса. Здесь, в садике, не от кого было их прятать.

– Мэ-эг! Иди сюда!

Потом вспомнила, что нянюшки рядом нет. Значит, нужно разыскать и обрадовать новостью, пусть бежит сюда, полюбуется, ведь здесь, наверное, сейчас так же красиво, как на её родине! Подхватив подол длинного кафтана, она припустила к гаремным баням.

А на ходу вдруг замедлила шаг. Надо ли так уж торопиться? Вспомнилось вдруг, как нынче утром добрая Мэг отвела глаза и попросила без неё никуда не убегать, даже во двор. Вроде где-то рядом, в городе, беспокойно, мало ли – беспорядки и сюда доберутся... Но разве упомнишь все нянины слова, когда цветут одуванчики? Ой, влетит ей сейчас! А платок-то у неё не на голове, а на поясе, вместо кушака! Скорей размотать да прикрыть волосы, всё меньше достанется...

Когда Ирис подбегала к садовой калитке, ей слышались

то ли вскрики, то ли плач, а ещё – лязганье железа и грубые мужские голоса. Впрочем, последнего просто не могло быть. Евнухи вещали тоненько, пискляво, а настоящим мужчинам, вроде визирей и стражников великого султана, которых девочка видела иногда издалека, за оградой, взяться тут было неоткуда. Однако что там творится? В маленькой детской головёшке ещё не укладывалось, что неизвестное может быть ещё и опасным, а потому Ирис поспешила к выходу без страха.

Садовая калитка, сплошь оплетённая глициниями и душистой жимолостью, скрывала обзор, как непроницаемая стена, оттого-то, вбежав в основной двор гарема, почти всегда пустующий, Ирис растерялась: там оказалось полно народу. От изобилия пёстрых одежд, мельтешения лиц, страшно усатых, от солнечных зайчиков, то и дело соскальзывающих с круглых щитов – ох, здесь и впрямь были воины! – зарябило в глазах. Мужчины! Настоящие! Она заметалась: что делать? Чем прикрыть лицо? Но потом, копируя взрослых женщин, стянула поспешно головной платок, попыталась закрыть всё, что ниже глаз...

Грубая жёсткая рука схватила её за плечо и развернула. Ирис упёрлась взглядом прямо в железный чешуйчатый живот и алый кушак из драгоценного шёлка, повязанный прямо поверх кольчуги. Глянула выше, задирая голову... Смуглолицый железный человек зло прищурил жгуче-чёрные глаза и шевельнул встопорщенными усами. По вискам его, прокла-

дывая через пылевой налёт мокрые дорожки, струился пот.

Где-то неподалёку вскрикнула Мэг:

– Это моя, моя девочка!

Ещё раз обжёгши взглядом попавшуюся под руки малявку, человек в панцире фыркнул и отбросил её в сторону, прямо в объятия подлетевшей няньки. Вцепившись в Ирис не хуже клеща, Мэг поволокла её в сторону, шепча:

– Молчи! Молчи, дитя, что бы ни случилось, умоляю!

И до того вдруг показалось жутко, что няня, вечно пробирающая за непослушания, в этот раз не отругала, не дёрнула за ухо и лишь оглядывалась со страхом; и что таких чешуйчатых воинов кружилось вокруг великое множество... От страха прилип к нёбу язык. Но самое ужасное, оказывается, ждало впереди. Сквозь многоголосый визг перепуганных и мечущихся по двору одалисок прорвался вой, в котором, казалось, почти не осталось человеческого. Группа воинов неподалёку расступилась, и женщины, сперва оцепенев, затем воздевая к небесам руки, зарыдали над какими-то пёстрыми холмиками. Ирис не сразу поняла, что не холмики это и не куклы, как поначалу показалось, а маленькие... тела?

О, Аллах, Всемилос... о, христианский Боженька! Это сон, страшный сон, да?

– Да будьте вы... – закричала вдруг полная простоволосая женщина, в которой, несмотря на чёрные полосы подтёкшей краски на щеках, на искажённое лютый злобой лицо можно было узнать, хоть и не сразу, хасеки-султан Айше. И снова

завыла, да так, что Ирис мороз продрал по коже. – Это ты, гнусный Хромец, я знаю! Будь ты про...

Не позволив ей закончить, один из воинов чиркнул изогнутым лезвием меча по белому женскому горлу. С такой силой, что почти перерубил шею. И отпрянул.

Брызнуло, потекло алым. Несколько долгих мгновений султанша еще стояла, хрипя и покачиваясь, обливаясь кровью, глаза её стекленели. Но вот она осела на колени, от толчка тело вздрогнуло, голова завалилась назад, и из торчащих из шеи отростков кровь хлынула уже фонтаном. Та, что много лет называлась неувядающей и вечно живущей, рухнула на трупы своих детей.

Одновременно взмахнув ятаганами, воины направили их на вновь завизжавших женщин. Сверкнули на солнце смертоносные жала. Слетела ещё одна длиннокосяя голова.

Должно быть, перехватило дыхание не у одной Ирис. Наступила такая тишина, что слышно было, как булькает, вытекающая вместе с остатками жизни, последняя кровь из несчастных, бывших когда-то украшениями Сераля. Да угадывались сдавленные вздохи гурий, притихших, словно им всем разом запечатали уста. А кто-то и сам себе зажимал рот, дабы не накликасть страшную смерть.

И в этой тишине отчётливо прозвучали шаги подкованных сапог. Часть воинов оттеснила дев к садовой стене, остальные чешуйчатые образовали живой коридор, по которому неспешно и грозно приближался сухопарый старик с

повязкой через глаз, в потрёпанном, как показалось Ирис, кафтане, забрызганном чем-то красным. Воины салютовали ему мечами.

Остановившись напротив ещё теплых тел, неизвестный потыкал носком сапога безжизненную детскую ручку. Ирис чудом задушила в себе крик: на тонком запястье, безвольно шевельнувшимся под ногой страшного старца, блеснул перламутром браслет, который она сама неделю назад собрала из бусин и речного жемчуга и подарила братцу Алишеру на день рождения тайком от его суровой матери.

– Баязедово отродье, – прошипел незнакомец. – Все здесь? Вместе с жёнами? Беременных фавориток найдите и отправьте туда же.

Сорвавшихся в крик и выдавших себя икбал выдернули из толпы немедленно. На этот раз Мэг успела прикрыть девочке глаза ладонью, но не могла заткнуть уши. Слыша вопли о пощаде, свисты мечей и предсмертные хрипы, Ирис цепенела. Сейчас... вот сейчас... и её... туда же? Ледяное кольцо стянуло горло, мешая дышать. Вот сюда рубанут, в шею... и отвалится голова, как у Айше-хатун. Её сейчас убьют. На-смерть.

– Девственниц оставьте, остальных утопить, – равнодушно бросил властный старик.

– Вы, курицы! – подхватил другой голос, намного тоньше. – Наложницы в одну сторону, рабыни и служанки – в другую, живо!

Всхлипнув, Мэг потащила девочку за собой. А сама то и дело сжимала ей плечи, словно напоминая: молчи! Молчи, дитя! Да та, если бы и могла, не выжала бы из себя ни звука. Невидимое хладное кольцо душило, душило, замораживая гортань, сковывая язык...

Прислуга тряслась в сторонке молча, пока поскуливающих гурий Сераля сбивали в маленькую толпу и повели, наконец, в гарем – на осмотр, как прикрикнул тот, с тонким голосом, но массивным оплывшим телом, чем-то похожий на бывшего главного евнуха. Одна из любимиц хасеки, оглянувшись в отчаянии, перехватила остановившийся взгляд Ирис и вдруг, затрясшись, ринулась в её сторону:

– Она... Её...

Стражник равнодушно, словно копируя своего властелина, вонзил меч ей под ребро, затем, не глядя, стряхнул с лезвия тело. Ему было наплевать, что там пыталась сказать эта девка. Строй нарушен, а разбежаться не дозволено. Привыкайте, что у нового хозяина не забалуешь.

Урок был достаточно наглядный. Девушки, съёжившись и не глядя больше на бьющуюся в предсмертных конвульсиях товарку, покорно, как овцы на закланье, засемили вслед за двумя... мужчинами ли, евнухами ли в богатых халатах. Ирис кое-как, наконец, выдохнула – и вновь оцепенела, почувствовав на себе звериный взгляд. Единственный глаз у старика, который, оказывается, стоял совсем рядом, оказался жёлтый, хищный, с узким зрачком – как у рыси в питом-

нике, которая так и умерла, сражаясь, не подпуская к себе людей с ошейником и цепью. Вот сейчас её, Ирис, Баязедово отродье, и убьют...

– Кто такая?

Голос пробивался к ней словно через толстый слой ваты. У Ирис однажды болело ухо, и ей пришлось сидеть с согревающей примочкой полдня. Но сейчас – словно заложило оба.

– Моя дочь, господин, – еле слышно выговорила Мэг. И вроде бы случайно, боясь молвить лишнее и не соображая от страха, куда деть руки, схватилась за край своего платка и дёрнула. Рассыпались кудри, не рыжие, а больше в красноту, но теперь, глядя на женщину и ребёнка рядом, вряд ли кто усомнился бы в их родстве. Ах, Мустафа, Мустафа, бывший главный евнух Дворца наслаждений... Разве мог ты представить давным-давно, десять лет назад, что предложенная когда-то прекрасной Найрият служанка с её родины, рыжая веснушчатая ирландка, и твоё стремление угодить новой звезде, однажды спасут жизнь маленькой, никому не известной принцессе, дрожащей от страха?

– Как звать? – сощурился старик.

– И...И-и... Ир...

Отчего-то она не могла справиться с собственным именем и в панике сглотнув, замолкла. По щекам покатались слёзы.

Сухие пальцы впились ей в подбородок, заставив приподнять голову. Девочка зажмурилась. Нельзя смотреть в глаза, иначе рысь разозлится и вцепится в горло...

– Как зовут твою мать? Ну, быстро!

– М... Мэ... Мэ-аг-ги-и...

Вместо гладкой речи изо рта вырвались какие-то лающие звуки. Невидимое кольцо по-прежнему сжимало глотку, мешая говорить.

Старик скосил глаза на служанку, жмущуюся к стене. Та истово закивала, трясясь.

– Точно так, господин, Мэгги Северянка, так её и кличут.

– Хм.

Недобро глянув, ужасный человек повернулся к евнуху.

– Среди выроdkов моего племянника были косноязычные?

Тот склонился в поклоне.

– Нет, мой господин. Слишком яркая примета, о такой мне доложили бы. Не сомневайтесь. Все там.– Кивнул на грудь тел посреди двора. – Три сына, три дочери от жены и кадины

– Тогда...

Голову Ирис бесцеремонно повернули вправо-влево, рассматривая.

– Дурнушка.

– Не скажите, мой господин. Может и расцвести. Видел я таких...

Старик, наконец, убрал колючие пальцы с девичьего личика.

– Хорошо. Пусть остаётся. Покажешь мне её через пять

лет.

Больше в их сторону никто не глядел. Лишь помощник евнуха энергичным жестом указал Мэг на стайку пленниц, исчезающих в дверях гарема.

– Девчонку туда. Можешь побыть с ней, чтобы не пищала.

...Потом был унижительный осмотр, когда заставили показать и груди, пусть у девочки ещё и не наметившиеся, и самое стыдное место, и даже трогали и больно нажимали; для чего-то заставляли присесть над жаровней с чистым просеянным песком... Неизвестно, через что ещё заставила бы пройти Ирис злющая баба с бровями столь густыми, что они сливались в единую линию, но тут вмешался пожилой лекарь – наверное, тоже евнух, раз уж свободно ходил на женской половине.

– Полегче, уважаемая Фатима, поберегите свой пыл для взрослых девушек, а это всё-таки ребёнок. Какие у неё могут быть женские болезни?

– Откуда мне знать? – огрызнулась лекарица, но с какой-то неохотой. – Делаю, что положено, мой господин. Ну и что, что ребёнок. Сами знаете, иногда спросом и такие пользуются, возись с ними потом...

– Фатима!

Лекарь взглянул строго поверх больших круглых стёклышек на носу – и баба сдулась. Бросила девчонке её же кафтанчик.

– Одевайся. И шагай к тем, – мотнула головой в сторону

отобранных уже девственниц. – Пойдёшь со всеми в общий зал, там вас рассортируют по десяткам.

– Нет-нет, сперва ко мне, – вежливо, но непреклонно прервал лекарь. – Уважаемая, вы же видите, эта девочка напугана; к ней нужен особый подход. Я хотел бы переговорить с ней, успокоить, а уж потом решить, оставаться ли ей вместе с остальными наложницами, либо сперва подлечить. Она может нуждаться в моей помощи.

И почему-то бабища не возразила. Видать, не она была здесь самой главной. Да ещё поклонилась господину лекарю, словно признавая, что погорячилась недавно, и прося прощения.

Немолодой таиб лишь кивнул в ответ. Увлёк Ирис ближе к высокому зарешеченному окну, развернул к свету.

– Не бойся, дитя, я всего лишь хочу тебе помочь. Я видел, как ты, увы, разговариваешь, вернее – пытаешься говорить, и хочу понять причину твоего косноязычья. Открой-ка рот пошире, покажи горло... язык... Не закрывай... – Тёплые суховатые пальцы коснулись шеи, прощупали гортань, прошли под нижней челюстью. – Скажи что-нибудь, только не волнуйся.

«Не волнуйся»? Когда там, во дворе, ещё не остыли те, с кем только вчера она играла в саду в догонялки? И их не слишком добрые матери? Да, они шпыняли её то и дело, но как страшно умерли! Эта кровь... Кровь...

Часто задышав, она лишь помотала головой. На глаза на-

вернулись слёзы. Мэг, тенью замершая в сторонке, всхлипнула.

– Девочка моя, что же это? Неужто от страха?

Лекарь глянул на неё пристально – и покосился на суровую лекарицу. Та, удалившись за переносную ширму, шипела на плачущую девицу, прочие поскуливали в сторонке, кто белые как мел, кто с пылающими щеками. Никому не было дела до маленькой пленницы.

– Ты ведь раньше говорила нормально? – отчего-то шёпотом спросил старик. – Тс-с... Это не обязательно знать всем... Женщина Мэг, подойди-ка ближе, ответь за неё.

Ирис, отчаянно заморгав, кивнула. Нянюшка торопливо зашептала:

– Точно так, господин Аслан-бей... – и вдруг осеклась.

Они с лекарем обменялись долгими взглядами. Ирис вдруг показалось, что за большими круглыми очками дедушки-табиба промелькнуло... узнавание? Но вот он отвёл глаза и задумчиво огладил седую ухоженную бородку.

– Что ж...

Потёр занывшую, по-видимому, поясницу. Поманил к себе Мэг.

– Пойдёмте-ка со мной, милые, и ничего не бойтесь.

Подвёл их к новому главному евноху.

– Уважаемый Махмуд-бек, я слышал распоряжение нашего повелителя касательно этой девочки. Но в целях лучшего исполнения настоятельно рекомендую вам оставить её на

время – повторюсь, на время – при матери. Или мать оставить при ней, это уж как вы решите. Видите ли, у меня есть основания полагать, что рядом с родным человеком дитя будет спокойнее, а, значит, к ней быстрее вернётся способность к нормальной речи. Похоже, её порок был вызван недавним потрясением. Это бывает, знаете ли... Я послежу за ней месяц-другой, и тогда уже пойму, насколько это излечимо.

– Косноязычие не лечится, – буркнул грузный полумужчина. Спohватившись, склонился в лёгком поклоне, добавил, будто извиняясь: – Во всяком случае, так говорят многие учёные мужи. Но вам, уважаемый Аслан-бей, я полностью доверяю. Думаете, это пройдёт?

– Дайте ей привыкнуть к новой жизни и успокоиться, и тогда я смогу точно определить степень заболевания, равно и то, поддаётся оно исцелению или нет. В последнем случае – я смогу хотя бы сгладить его проявления.

– Как скажете. Однако...

Капа-агасы колебался. Впереди для взрачивания «цветка», о котором он так неосмотрительно упомянул, было отмерено пять лет, и, ежели за это время прославленный целитель, которому покровительствует и доверяет новый султан, научит девчонку говорить гладко – честь ему и хвала. Иначе придётся ей так и притворяться немой, чтобы заиканием не испортить красоты, которая обещала расцвести однажды. Не заговорит – останется хотя бы в танцовщицах, или в музыкантшах.

– Обучаться со всеми ей ещё рано, – продолжал лекарь невозмутимо. – Приставьте её к нетрудной работе: чтобы и не надрывалась, и была при деле. Надеюсь на вас, уважаемый, а пока что вернусь к своим обязанностям. Но помните, что об этом ребёнке мы ещё поговорим.

... Конечно, и речи не шло о том, чтобы вернуться в их с Мэгги родную и уютную комнатку. Это было равноценно тому, чтобы, крикнуть на весь мир: смотрите, у рабынь, оказывается, отдельные покои! Сразу набегут любопытные, начнут выяснять: да кто они такие, и чем заслужили неслыханную милость? Так и пришлось бы им занимать угол в общей спальне для слуг, если бы не похлопотал за них тот самый Аслан-бей. Во всяком случае, каморка, которую выделила им новая смотрительница гарема, едва ли не суровее густобровый Фатимы, была хоть и крошечная, но с окном, большим топчаном и даже с жаровенкой – для обогрева в прохладную пору. Конечно, не хватало привычных мелочей для уюта и тепла, но... Возвращаться за ними в «родную» комнатку было опасно.

– С этим ещё можно жить, – шептала Мэг, поглаживая плачущую девочку по голове. – Матушку ты потеряла давно, отец тебя забыл, так что, считай, ты-то своё отгоревала. А что видела недавно – это война, милая, в ней всегда самых слабых убивают. Это война... Главное – сама живая. Очень уж это было бы не по-божески – невинной погибнуть, хоть и так случается. А гляди-ка – тебя даже не тронули, хвала

Аллаху и Иисусу...

– По... по... по-че... тог-д-да... д-д-дру-угих?

От тепла нянюшкиного тела, ощущения, наконец, *безопасности*, исходящей от прочных, окружающих со всех сторон и кажущихся такими надёжными стен каморки, ледяное кольцо на горле оттаивало, позволив, наконец, говорить. Правда, слова выталкивались тяжело, по слогам.

– Почему? – верно поняла воспитанницу Мэг. Вздохнула. Как объяснить дитятке, самым страшным событием для которой до сегодняшнего дня были грозно нахмуренные брови султанши и последующий строгий разговор с няней, что есть на свете другая жизнь, жестокая и безжалостная? Впрочем, её девочка только что познала больше, чем за все свои десять относительно безмятежных лет. – Потому что есть на свете злые сильные мужчины, которым всего мало – власти, денег, женщин. Им хочется больше и больше. И чтобы достичь этого, они идут по телам, не жалея никого. Им главное – ухватить своё.

– А ка-ак же А-а-али-ше-ер, Ле... Лейла-а? Он-н-ни п-п-при чём?

– Ох, деточка, жалко-то как их всех, бедняжек... Да ведь те изверги, что их порешили, не глядят, детишки перед ними или кто, им главное – Баязедов род вывести, чтобы, значит, спокойнее было. – Нянюшка вдруг ахнула. – А кого же вместо тебя удушили? Тот, новый капа-агасы, ведь обмолвился: все, мол, там: три сына, три дочери... Две дочки от Айше и

Фариды, а третья-то кто?

Ирис похолодела.

Недетским чутьём вдруг осознала: третьей должна была оказаться она. Вроде бы забытая всеми, даже отцом... а поди ж ты, кому-то помешала. Если бы не какая-то нелепая путаница – лежать ей таким же тряпичным бугорком среди прочих братьев и сестёр, бездыханной, как и они.

Горло опять сдавило, словно не состоявшейся удавкой.

Не замечая её молчания, Мэг горестно застонала.

– Не иначе, как Гульназ к ним в лапы попалась, племянница Айше, что только вчера приехала с матерью. Не успели о них выведать, а о тебе-то давно знали. Заметили в гареме третью девочку твоих лет, да схватили с остальными наследниками. Вот ведь как оно вышло... Молчи, дитя, молчи. Раз за тебя кто-то умер – живи изо всех сил, чтобы за двоих стараться, слышишь?

«Да как же так можно?» – хотела сказать Ирис, но запнулась – фраза получалась длинная, и осилить её не удавалось. Но нянюшка вновь поняла.

– Можно. Я вот... Жива до сих пор. А у меня на глазах и мать с сёстрами распяли и отца зарубили. Да пока сюда не попала, прошла через пекло. Благо, брюхатая была, таких, как я, да девственниц берегли для продажи, с другими не церемонились. Тебя-то вот недавно женщина осматривала, да отдельно, за загородкой, а нас на торгах выставляли голышом, да ещё и по рукам хлестали, чтобы не прикрывались.

Всяк, кто хотел, мог пощупать во всех местах, как корову, и зубы проверить. Вот что страшно, когда с тобой как со скотиной бесчувственной... Ох, дитя...

– Придётся и тебе привыкать к новой жизни, – добавила, помолчав. – Она хоть и сытая будет, а всё же рабская.

Мэг запнулась. Вроде бы сболтнула лишнего, а ведь кто знает, может, уже и завтра, и в сей момент призовут новые хозяева – и начнут измываться. Так пусть уж девочка готова будет к худшему, раз уж деваться некуда.

– Терпи, дитя. Молчи и терпи, нам не впервой, мы привыкли. Тебе хоть котлы на кухне ворочать не придётся, да грязь за всеми выгребать: наложницы живут в холе да в воле. Раз уж так вышло – учись гаремным наукам, они ведь трудные: и письмо, и стихосложение, и танцы, и науки – многое придётся изучать. Старайся изо всех сил. Слабенькая ты... Придётся учиться себя в обиду не давать. Зато – как знать, может, и вознесёшься однажды над всеми, вот и заставишь кое-кого за всё расплатиться.

Ирис свела брови.

– Но-о ка-ак? – сжала кулачки. – Й-йя-а ведь не во-о-ин...

– И что? Девушка, конечно, по природе своей слаба, а потому берёт не силой, а хитростью. Вон, хасеки наша, покойница, скольких в могилу свела, и всё не своими руками...

Ирис в недоумении подняла мокрое от слёз лицо. Сморгнула.

– А ты думаешь, – нянька горько усмехнулась, – что ма-

тушка твоя и впрямь от родильной горячки померла? Извели её, голубку. Медленно, да так, что никто и понять не мог, в чём яд-то. Сперва через её молоко сынишки отравились, они же крошечные, много ли им надо, а потом и Эйлин сама... отмучилась, бедная. Да так ей живот резало перед смертью, что криком кричала. Как вспомню... Хорошо, табиб помог, сонным отваром напоил, чтобы хоть без боли ушла. Поэтому – не всех жалеё, милая. Айше нечистым путём для своих детей дорогу прокладывала, вот ей и отлилось: как она с другими, так и с ней поступили. Такие вот люди бывают. Будешь жить в гареме – смотри во все глаза, учись пинаться, иначе заклюют, различай людей, кто с добром, а кто удавку на тебя накинуть готов...

Ирис молчала, обессилив от слёз и положив голову на колени Мэг. Слова журчали, обтекали водой, не затрагивая разума, как ей тогда казалось... Но само звучание успокаивало. В мире, вывернутом наизнанку, осталось нечто неизменное: её Мэгги. Нянюшка. Вторая мать.

Опора.

Придёт время, и они узнают, что страшный старик – это сбежавший из изгнания Тамерлан, родной дядя покойного султана. Слишком мягкое правление Баязеда обернулось слабостью армии, которую без труда разгромили перекупленные янычары. На страну надвинулись тьма и казни, а к ним, как на приманку, сразу напоз из-за границ чёрный мор, а потом – саранча, зной и иссушающие пустынные

ветра. И орды соседей, желающих потягаться с Железным Хромцом Вторым, как не раз с удовольствием называл себя последний из чингизидов.

Всех немногих настоящих мужчин, прислуживающих в отдалённых уголках Дворца наслаждений, милостиво оставили в живых, но оскопили. Половина из них не выжила. Пока разыскивали новых садовников, розы в гаремном саду без должного ухода быстро сгорели под яростным солнцем. И лишь жёлтые одуванчики, живучие, как женщины, устилали выжженную зноем потрескавшуюся землю. Однажды под утро они вдруг разом побелели; налетевший ветер дохнул на них, взметнул ввысь миллиарды белых пушинок, закружил метелью, бураном, смерчем – и опустил, целомудренно прикрыв оголённую землю, иссушённые ветви глициний, пожелтевшие заострённые остовы ирисов... Будто обсыпал снегом, которого в этих краях давно уже никто не видел.

Глава 1

– Кекем, вставай!

– Вставай, заичка!

– Давай, давай, быстро, быстро...

Ох, как же не хотелось открывать глаза! Вчера Айлин-ханум, учительница танцев, заставила Ирис трясти бёдрами не до седьмого – до семидесятого пота. И не налегке, как весь месяц до этого, когда девушки кружились в одних шароварах и прозрачных болеро, едва прикрывающих груди – а навесила уйму массивных браслетов. От щиколоток и чуть ли не до колена, от запястий и до локтей. И тяжелых: не то, что танцевать – не пошевелишься. Оказывается, латунь была лишь сверху: изнутри же эти... кандалы, иначе не назовёшь, были залиты свинцом.

Вчерашний день, словно нарочно, был особенно жарок. Послеполуденный сад кое-как ещё сохранял остатки утренней прохлады, но сквозь густые кроны шелковиц и магнолий нет-нет, да прорывались палящие лучи, отплясывая на песчаных дорожках и на досках помоста, установленного для обучения будущих услад очей Великого султана, его гостей и приближённых. Все знали: лучшим ученицам выпадет не только великое счастье удостоиться взгляда Солнцеликого, но, возможно, и его внимания, и подарков, и фавора! Их

судьба в одночасье может перемениться, как в волшебной сказке.

Одалисок за пределы Серая почти не выпускают, участь этих прекрасных дев – вечное ожидание высочайшей милости, порой бесплодное: одних наложниц, только обучающихся высоким искусствам, ещё не представших перед Повелителем, здесь около семисот. А ведь в Верхнем гареме проживают его любимые кадины, посетить которых он, согласно закону правоверных, обязан не менее раза в неделю, и возлюбленные икбал, сумевшие угодить и понести от него. Когда-то ещё султан снизойдёт до простых девушек из Нижнего гарема, смиренно ждущих его взгляда! Да и какое расположение духа будет у него в тот момент? А то, бывало, выберет на ложе, потом лишь взглянет – и с позором отошлёт назад. Вот и томись в ожидании: месяцы, годы... Увядай, сохни от скуки; да ещё не угадаешь, чего от судьбы дождёшься.

Жизнь танцовщицы куда интереснее, чем у обычных гуррий Серая. Если её и вызывают к Солнцеликому, то лишь для того, чтобы в числе прочих таких же искусниц развеять светлейшую скуку, или просто стать прелестным фоном к его ночи с избранной. В последнем случае танцевать придётся с опущенными глазами, дабы не видеть любовных игр Повелителя, а уши затыкать воском. По рассказам опытных мастериц, их выручало то, что босыми ногами они ощущали ритм табы – небольшого барабана, и бубна. От «слепых» и «глухих» музыкантов требовалась в такие ночи особая слажен-

ность... Но бывало, что целый десяток-другой девушек вызывали «для показа» гостям султана, и вот тогда можно было метать из-под вуалей огненные взоры, призывно улыбаться, позволять себе чуть больше дозволенного – потому что хорошенькую танцовщицу могли предложить гостю: но не просто на ночь, а в подарок, и не в рабыни, а в жёны. Ибо Великому Хромцу известно было, что многие гяуры считают многожёнство, узаконенное Всевышним для правоверных, блудом, а гаремы – рассадниками разврата. Даря приближённым дев, султан и одаривал своей милостью – равно как и приданным, и следил за нравственностью подданных, ибо отрывал от своего сердца прелестниц не иначе, как для законного и почётного замужества.

А замужняя женщина, если только супруг её был не султан, обладала куда большей свободой, чем даже султанша. Она могла в любой момент выйти из дома – на рынок, в мечеть, встретиться с родственницами или подругами, съездить в другой город навестить родителей – с разрешения мужа, конечно, не без этого! И в то же время – позволить или не позволить супругу привести в дом новую жену; а если ему вздумается развестись – потребовав с него приданое и достойное содержание. Хорошо быть замужней и свободной!

Поэтому многие девушки в гареме мечтали стать танцовщицами. Но не все обладали талантом, грацией, и, что немало важно – выносливостью и хорошими лёгкими. Тут уж что дано природой, то дано, а если того нет, то не будет. Вот и

приходилось рвать жилы в танцах, со стороны казавшихся упоительно воздушными, но лишь долго не отпускающая потом боль в суставах и пояснице да стёртые в кровь ноги кричали о цене этой лёгкости.

...Но изувёрских свинцовых браслетов не ожидал никто из учениц.

– Шевелись!

Ирис невольно вздрогнула от выкрика Айлин-ханум, ни полнотой стана, ни увесистостью чрева не напоминавшей невесомый лунный свет, в честь которого и получила однажды своё гаремное имя.

– Ах вы, лентяйки, лоботряски, лодыри! А ну, хватит топтаться! Начинайте! Свалились на мою голову, неженки! – сыпалось на головы дюжины учениц, чьи конечности оттягивались к земле фальшивой латуною. – И не спать на ходу! Кто выбьется из ритма – пять ударов по пяткам! Живей, живей!

Да ещё и отбила палочкой по спинке садовой скамейки этот самый нужный для музыкантов ритм. К счастью, как успела уловить Ирис, чуть медленнее обычного. Барабанщик тот ритм повторил неуверенно, затем твёрже. Девы привычно изогнулись, сделали первые, заметно скованные движения... и пошли, пошли в танце.

А куда деваться? Пять ударов бамбуковой палкой по пяткам – это какому-нибудь заезжому гяуру покажется смешным, да изнеженной султанской племяннице, на которую пылинке не дадут опуститься – поймают в полёте. А они, учени-

цы грозной Айлин, про которую говорили, что в молодости из-за её красоты сгорали на лету мотыльки – они-то очень хорошо узнали, что после пятого изошрённого удара по пяткам начинает от боли заходиться сердце, а шестого-седьмого достаточно, чтобы потерять сознание. И потом тебя притащат на ложе в твоём углу общей спальни на сто человек, волоком притащат, ибо до утра ты будешь не в состоянии ступить на ноги. Впрочем, и с утра тоже, но тогда уже придётся, через «не могу».

А потому – девы танцевали, зазывно покачивая бёдрами, почти изящно взмахивая руками, чтобы призывно вздымались прозрачные покрывала, чтобы подрагивали и звенели бубенчики, нашитые на низко посаженные пояса, завязанные хитроумными узлами, бахрома на которых дрожала в такт движениям пышных и не очень чресл. И кружились на месте, пытаясь раскидывать руки крыльями, а их так и тянуло к земле, крылья-то...

Через три минуты Ирис подумала, что она – нет, не умрёт, а просто сдохнет на месте. Сперва сломается в пояснице, а потом сдохнет. Но вспомнила умоляющие глаза Мэг: «Ради меня, детка, старайся, как можешь, и терпи...» И нашла в себе силы продержаться ещё полминуты. Потом ещё минуту. И ещё. Закрыв от напряжения глаза, с искусственной улыбкой на устах, она кружилась на месте, как безумный дервиш, пока её не остановил резкий окрик наставницы:

– Хватит! Кекем, я тебе говорю, довольно!

Вздвогнув, она подняла взгляд – и только сейчас поняла, что музыка стихла. Музыканты, пряча глаза, тихонько отползали в тень магнолий.

Айлин-ханум смотрела на неё странно. Исчезла с лица обычная брезгливость, с которой она взирала на учениц, появились некая задумчивость и... словно какой-то расчёт.

– И ведь даже с дыхания не сбилась, – сказала медленно. – Молодец. Садись.

Ужасно хотелось рухнуть тут же, но, пересилив себя, девушка постаралась опуститься изящно, как учили – сперва на колени, хоть те подгибались и дрожали от тяжести навешенного металла, затем на пятки. Ножные браслеты холодили ягодицы. Доски помоста, напротив, отдавали тепло. Покосившись на остальных, Ирис широко открыла глаза в изумлении. Три из девятерых девушек, обессилев, почти лежали, остальные сидели кое-как, не по-уставному, совсем не обольстительно тяжело дыша. Пот градом катился по раскрашенным лицам, вздымающимся грудям и даже по открытым бокам, что уж говорить о насквозь промокших спинах... У самой же Ирис лишь тело словно налилось пресловутым свинцом, а с дыхания она и впрямь не сбилась.

– Овцы, – с презрением бросила ханум. – Откормленные жирные овцы. Я всем запретила есть сладости ещё месяц назад, и что? Ты, ты и ты, – ткнула пальцем в трех лежащих. – Пять ударов, как я и говорила, и больше ко мне не приходите. Я лично скажу почтенной Нухе-ханум, что толку из вас

не выйдет, пусть поищет в вас иные таланты. Остальные... Ты и ты – три удара по пяткам. Завтра не приходите. Неделю сидеть на хлебе, воде, зелени и фруктах. Потом добавьте к трапезам айран и баранину, и до конца месяца больше ничего. Меня же ещё благодарить будете, курицы. А ты...

Смерила Ирис ещё раз оценивающим взглядом.

– Из тебя выйдет толк. Хоть ты и косноязычна, но затанцуешь у меня не хуже, а лучше райских гурий, в этом деле голос не нужен. Но и погоняю я тебя, девочка, три шкуры спущу, милостей не жди. Потом всё окупится. Вот тебе с завтрашнего дня положены лучшие сладости и куски баранины, и фрукты, и кишмиш. Не бойся, не потолстеешь, у тебя натура не такова, а вот нужное мясо наешь. Танцовщица должна играть телом, а не костями... Ладно, продолжим.

И такая власть была у этой женщины над ученицами, что те, кто наказан, лишь отползли прочь, всхлипывая, но не прося о пощаде, ибо знали – бесполезно. Айлин-ханум, осердившись, может и сверх того назначить. А остальные сдержали вздохи облегчения.

И все посмотрели на Ирис – на неё, Кекем, Заику. Не с завистью. А с сочувствием, а кое-кто и со злорадством. Ибо благоволение несравненной когда-то звезды Танца Наслаждений, Семи покрывал и Полёта пчелы означало не головокружительный взлёт и славу и возможную свободу – а пока что тяжелейший изнуряющий труд, труд, труд...

Так оно и случилось.

После обычного двухчасового урока, когда всем прочим разрешили снять браслеты и отправиться в хаммам на простое быстрое омовение, ханум щелчком пальцев оставила Заику для дополнительных занятий. Хвала создателю, позволила отдохнуть четверть часа, а главное – во время разучивания нового танца ничего уже не заставляла держать, кроме двух персиков. Но и те чуть не выскользнули из ослабевших пальцев.

Одно было хорошо. Ей, как подающей надежды танцовщице, назначили ежедневно пять дополнительных блюд. Правда, выходило это, если уж откровенно, не очень щедро: кормили девушек скупо, из небольших плошек-пиал, куда еды входило с горстку, не больше, чтобы не особо разъедались; ибо великий султан, в отличие от своих же мудрецов и советников отчего-то не жаловал пышнотелых дев. Выходило, что к каждой из небольших пяти ежедневных трапез прилагалась дополнительно маленькая порция чего-то ещё: какой-либо фрукт, каша или йогурт, либо несколько кусочков кебаба. Но пять лишних порций в день, пусть символических – это возможность припрятать что-нибудь, вроде как на потом, и потихоньку снести нянюшке, потому как ей-то, простой служительнице при хаммаме, приходилось не раз укладываться спать на пустой желудок. На простых и немолодых прислужницах экономили, ибо заменить их было недолго. Девушки закупались в Сераль не только для услад повелителя: когда на торгах по дешёвке выставляли не девственниц

и не слишком молодых, но сильных и выносливых рабынь – их охотно брали для чёрных работ. Валиде-султан была бережливой хозяйкой и того же требовала от хезендар-уста – экономки, и от капы-агасы – главного евнуха.

...А нянюшка Мэг, как до сих пор тихонько называла её Ирис, в последнее время всё чаще болела. Горячий влажный воздух парных не шёл ей на пользу, теснил грудь, вызывая тяжёлый кашель. Всё чаще приходилось отлёживаться. К сожалению, прославленный лекарь Аслан-бей, веское слово которого среди управляющих громадным хозяйством гарема ценилось и исполнялось, давно уже сюда не заглядывал, и некому было вступить за большую служанку, попросить хотя бы перевести на другую службу. Может, если ей кушать побольше, это поможет сопротивляться болезни?

Оттого-то Ирис не ужаснулась, а возликовала в душе, услышав от Айлин-ханум о своих, оказывается, талантах и блестящем будущем. Теперь она сможет помочь Мэгги. Вот что главное.

...А наутро у неё, как и следовало ожидать, нещадно болела каждая мышца, ныла каждая косточка. И сил подняться просто не было. Словно её вместе с пятью проштрафившимися ученицами вчера нещадно отлупили бамбуковыми палками и не только по пяткам.

– Кекем!

– Заичка! Вставай же, дурында! Злыдня вот-вот притащится!

Подружки, Нергиз и Марджина живёхонько стянули с неё покрывало и вздёрнули под руки, усаживая и не обращая внимания на протестующее мычание. Кто-то плеснул ледяной водой в лицо. Ирис охнула... но не обиделась, лишь поспешно утёрлась ладонью. Всё правильно. Она сама не раз так приводила в чувство подруг, иногда особо разоспавшихся. Лучше замочить постель – всё равно потом высушится и проветрится – чем попасться под горячую руку смотрительнице гарема, Нухе-ханум, за скверный норов прозванной Злыдней.

Вновь замычав – на этот раз просительно, и не открывая глаз, сложила руки ковшиком, получила порцию воды и уже сама плеснула себе в лицо. Потёрла щёки.

– Бр-р-р...

Среди ночи девушек будили – и заставляли идти в кухонные погреба, где для них был приготовлен колотый лёд. Его полагалось рассыпать по кувшинам с водой, что стояли у каждой в изголовье. К утру лёд стаивал, но вода в серебряных кувшинах оставалась бодрящей, «живой». А главное – прогоняла остатки сна.

Тем, кто не проснулся вовремя, к утреннему обходу, она бодрящая струя выливалась безжалостной Злыдней прямо на голову. Да ещё и сопровождалась увесистым пинком или затрещиной, в зависимости от того, какая часть тела провинившейся оказывалась более беззащитной или соблазнительной.

– Спа-а-сибо-о, – прошептала Ирис, почти не запинаясь, и кое-как поднялась. Подвигала головой – ныла шея. Покрутилась вправо, влево – ничего, спину тянет, но терпимо. Руки, плечи ломит, конечно, после кандалов-то... И ноет даже так называемая грудь, которая, несмотря на полновесных пятнадцать прожитых лет, едва-едва наметилась, из-за чего девушке довольно часто приходилось ловить снисходительный, а то и насмешливые взгляды пышных, распустившихся, как бутоны, красавиц одалисок.

Впрочем, Нергиз и Марджина, её подруги, были не из таких зазнаек. Одна, белокожая, с волосами чернее безлунной ночи; другая – сама темнее эбенового дерева, но со множеством высветленных косичек, обе высокие, несмотря на то, что ровесницы Ирис, статные, развитые, с мощными бёдрами и прекрасными грудями, предметом зависти местных гурий, а главное – удивительно красивые: они, казалось, могли с лёгкостью завоевать первенство среди местных пери. Но не рвались ни к славе, ни к ложу повелителя. Марджина, как поговаривали, попала сюда в качестве подарка от одного из царьков далёкой покорённой страны, Нергиз же продали в Сераль собственные родители. И то, и другое – в порядке вещей, такое здесь частенько бывало. Но только обычные «подарки» и «приобретения», как правило, стремились урвать из своего положения всё, а эти две оказались совершенно равнодушны к возможным перспективам. Что и сроднило их с Ирис.

Впрочем, для них она была просто Кекем.

Ведь никто, кроме Мэг и самой Ирис, не знал, кем на самом деле является девочка-подросток, угловатая и нескладная, с личиком, обсыпанным веснушками, не поддающимися ни лимонному соку, ни огуречной воде, а из достоинств у неё разве что великолепная рыжая грива. Помнить об истинном происхождении юной рабыни-джарийе, получившей лишь недавно статус одалиски, было некому. Айше-ханум, недобрая ей память, утянула за собой в мир иной всю свою свиту, всех наперсниц, знавших её тайны. Тех же, что остались в Баязедовом гареме после утопления беременных и просто невестенных, потихоньку удалили прочь. Мать Хромца, новая валиде, забравшая в цепкие руки правление в Гареме, при своей практичности уделяла большое внимание всему, что оттеняло царственное положение её единственного сына, и пользоваться Тамерлану чужими девами считала зазорным. В Серале оставили немногих, лишь самого юного возраста, остальных же продали с большой прибылью. К великой радости и выгоде торговцев Нуруосмание, штат прислуги и прекрасных дев во Дворце Наслаждений за несколько месяцев обновился практически полностью.

Когда Ирис исполнилось двенадцать, но она так и не уронила свою первую кровь, как, вроде бы, положено в таком возрасте – её привели к валиде-ханум. В святая святых, в прекрасные светлые покои, бывшие когда-то обиталищем тиранши Айше, а теперь – матери великого Хромца, в жилах

которой текло не меньше крови Чингизидов, завоевателей и убийц, чем у её сына.

– Безнадёжна? – коротко спросила она, выслушав доклад старшей смотрительницы.

Присутствовавший тут же Аслан-бей, тот самый, что однажды так счастливо вмешался в судьбу Ирис, укоризненно покачал головой.

– Что вы, уважаемая Гизем-ханум, зачем же так торопиться с выводами!

Сказал без подобострастия, без затаённого страха в глазах, в отличие от той же Нухи-смотрительницы, чья спина, казалось, на веки вечные согнулась в знак почтения к валиде. Обратился, как к равной. Ещё бы! Ни для кого не составляло секрета, что сам Великий султан называл мудрейшего своим лучшим другом, а его почтенная мать ценила каждое слово «нового Авиценны» и благоговела перед ним. Хоть старалась и не подавать виду.

О, эта валиде Гизем, жёсткого нрава, в своих решениях твёрдая, как камень, державшая осиное гнездо Сералея хваткой, куда более удушающей, чем её предшественница! И вместе с тем – загадочная, нечитаемая самыми проникательными визирями, полностью соответствующая своему имени, что на языке предков означало – «Тайна»... К ней, как ни к кому иному, подходило выражение: застывшая в зрелой красоте. Сказывалась ли на её внешности примесь крови Лилит, от прапраправнучки которой, по преданиям, был рож-

дён Чингиз Непобедимый, или это срабатывали секреты монахов с далёких Гималаев, где нынешней валиде довелось провести детство и отрочество? Весьма вероятно, что до сих пор прекрасной Гизем ведомы были тайные способы продления молодости, выведенные в далёкой Чайне, куда она попала, будучи почётно подарена в гарем Императора. Правда, в загадочной империи она задержалась недолго, ибо ею срочно откупились от Мухаммада Тарагая Свирепого, как раз о ту пору начавшего со своими войсками победоносный марш по землям, омываемым жёлтой изменчивой Хуанхэ.

Если теперешнему Великому султану можно было с виду дать и сорок лет, и шестьдесят, его матери – и шестьдесят, и сорок. Нелегко сохранять красоту и молодость в такие годы, даже если в твоём распоряжении множество тайных средств. А ещё труднее – не почить на лаврах сыновней славы, не впасть в гордыню, заполучив власть, сохранить ясность и остроту ума, твёрдость суждений... и умение окружать себя нужными и мудрыми, с благодарностью черпая из источников их талантов.

Одним из таких немногих избранных, пользующихся её доверием, и стал чудесный лекарь, светоч османской медицины.

– ...Примите во внимание, – помедлив, продолжил он свою мысль, – что представленная вам ныне дева – происхождением из северных островных кланов. Северных, подчеркну это, моя госпожа. А ведь развитие отроковицы или

отрока во многом обусловлено климатом, в котором они и их предки проживают. Так, девочки, родившиеся под небесами Юга и Востока, созревают быстро, и уже в четырнадцать лет способны к деторождению; но многие из них уже после двадцати пяти распливаются и отцветают, особенно любимые во многих гаремах черкешенки и грузинки. А вот северные, ледяные девы... Да, они распускаются медленнее, позже, но и цветение их дольше и устойчивей...

Султанша величественно кивнула:

– Я поняла тебя, уважаемый. – Щёлкнул и сложился в маленькой кисти с ногтями, спрятанными в длинные заострённые чехольчики, веер, каждая пластина которого была искусно вырезана из бивня элѐфанта. – Но у меня нет никакой охоты ждать, пока это немощное создание превратится во что-нибудь полезное. Я не садовник, который сажает черенок и наблюдает годами, как тот вырастает, цветѐт и даѐт, наконец, плоды. Мне нужна выгода здесь и сейчас. На что вообще годна эта девочка-ребѐнок, как ты думаешь? Отправлять её на кухню, в помощь служанкам не хочется: испортит руки, да и кожу, а она у неё хороша, и будет ещё долго хороша даже без всяких притираний. Да, вижу, у неё прекрасные волосы... Хм... Глаза необычного цвета, как весенняя трава. Черты лица неправильны, но, похоже, с возрастом это придаст ей особое очарование. Однако мне сказали, она косноязычна? Эй ты, девочка! Скажи что-нибудь!

Как это частенько бывало при грубом к ней обращении,

Ирис растерялась, вспыхнула, опустила глаза и... промолчала. Не потому, что не хотела ответить.

– Она не может, ханум, – пояснил лекарь. – Её сильно напугали в детстве, и теперь каждый раз, стоит ей разволноваться, спазм в горле не даёт говорить. Не тратьте драгоценное время, я полгода бился с этим изъязном – и всё впустую. На ложе повелителю она не годится. Она не сможет усладить его слух ни приятной беседой, ни страстными признаниями и стихами...

Смотрительница гарема переменялась в лице. Ох, как бы не поставили ей в вину, что тратит время госпожи на всяких замухрышек! Но... порядок есть порядок. Положено каждую юницу в двенадцать лет представить валиде, дабы она определила дальнейшую её судьбу – и вот она, Нуха, исполняет.

– Но и в работницы её отдавать жалко, – протянула меж тем Гизем-ханум. – Есть в ней что-то такое... – Прищурилась. – Пройдись, девочка. Насколько ты грациозна? Поклонись! Нет, слишком скованна... Теперь присядь, встань... Умеешь танцевать? Покружись-ка...

При слове «танцевать» Ирис вмиг стало легче. Уловив ритм, вроде бы случайно, по рассеянности отбиваемый владычицей гарема сложенным драгоценным веером по спинке дивана, она без труда подладилась под размеренное постукивание, взмахнула худенькими ручонками... и – о чудо! Присутствующим показалось, что в руках у маленькой девочки – невесомое покрывало, которым она то оборачивается в тан-

це, то воздевает над головой, то играет с ним перед зеркалом...

В чёрных глазах валиде мелькнуло одобрение.

– Что я вижу? «Танец волшебного покрывала»? Нуха, твои воспитанницы уже в таком возрасте разучивают настолько сложные вещи?

Смотрительница, поспешно поклонилась, сдержав вздох облегчения.

– Её ещё никто не обучал, госпожа. Девочка подражает старшим подругам.

– И неплохо это делает. Куда только девалась её неуклюжесть! Аслан-бей, уважаемый, как ты считаешь, сможет ли эта худышка стать настоящей танцовщицей?

– Вы читаете мои мысли, ханум, – склонил голову лекарь. – Прекрасное решение.

– Да? Я пока ничего не решила, – протянула мать Великого султана. – Но, впрочем, пусть пока год-другой поучится с остальными девочками, которых готовят в наложницы; глядишь, за это время учителя обнаружат у неё ещё какие-то скрытые пока способности; а нет – пойдёт в танцовщицы. Моя хезендар как раз подыскивает подходящую наставницу, но их нынче нелегко найти. Все бывшие мастерицы танца замужем, разве что кто из них овдовел...

Перехватила зачарованный взгляд девочки. Поморщилась. Не от её вида, нет, просто слишком приторный дым благовоний из курильниц расслаблял и отзывался тупой бо-

лью в виске и лёгким головокружением. Придётся наказать служанку: переборщила амбры, а у Гизем от этого аромата всегда болит голова.

– Как же тебя назвать?

Это была обязательная процедура: каждую наложницу или рабыню при первом представлении валиде нарекали по-новому. Прежняя жизнь девы отсекалась вместе со старым именем.

Новое имя по традиции обязательно таило в себе некую особенность, а если речь шла о будущей одалиске – изюминку, какую-то черту характера, талант. Например, Тахира – «целомудренная», Джумана – «жемчужина», Фариды – «единственная», Гюльгюн – «розовый свет». А как назвать заику, да не слишком пока хорошенькую? Что-то мало она похожа на будущую обольстительницу

Султанша-мать сморщилась от нового приступа головной боли.

– Будешь Кекем, – сказала коротко. И махнула рукой Нухе: всё, поди прочь вместе со своей подопечной, ты уже услышала всё, что нужно. Не было охоты изощряться и придумать что-то красивое, да и ради кого? Вот подрастёт рыжая, покажет, чему обучилась, и если угодит – нарекут её более достойно. А сейчас хватит и того.

Потому-то, на долгие-долгие годы, которые в детстве кажутся бесконечными, Ирис и превратилась в Кекем. Что означало – «заика».

Побудка в гареме продолжалась.

Но вот, наконец-то, Нуха-ханум, главная смотрительница и наставница Нижних покоев, в сопровождении ещё десяти наставниц-«куриц», почти обошла своё бескрайнее царство, надавала оплеух соням, проворонившим её приближение, вынесла наказания за вчерашние проступки, о которых нашёптывали семенящие следом «курицы» – по наставнице на каждые десять девушек; проверила бдительным взором, все ли демонстрируют покорность и послушание...

Больше всего, конечно, доставалось младшеньким. Особенно тем, кто попал сюда прямо с невольничьего рынка.

Такие, как Нергиз, местные уроженки, проданные собственными родителями, с молодых ногтей усвоили науку смирения и покорности, а потому, попадая в Сераль, ничего нового для себя не обнаруживали, вливаясь в почти привычную среду. Ибо гарем в обычном османском жилище – это, собственно, женская половина дома, с проживающими там жёнами, детьми, наложницами, прислугой. Заселённость женского крыла зависела лишь от достатка главы семьи. Одна-две жены с единственной служанкой в бедном домишке и десятки хорошеньких девочек с соответствующим довеском из рабынь и евнухов под дворцовыми сводами жили по единым законам. И там, и тут на всех существовал один госпо-

дин, которого надлежало слушаться беспрекословно. Да, и, разумеется, была ещё разница в общественном положении этого господина. Так, над отцом или мужем-ремесленником или купцом могло быть много беев, а вот вельможа, визирь или паша властвовал сам. Так где же спокойней и сытнее?

Так что османочкам в ТопКапы было не привыкать. А вот многим иноземкам, особенно европейкам, приходилось порой туго.

Выходцы из сословия попроще, или из крестьян, занесённые в Империю на нехороших пиратских парусах, науку послушания и покорности прошли ещё дома. Хоть на первых порах и шарахались от евнухов, особенно чернокожих, от лекарицы с дотошными осмотрами, и не умели пользоваться кумганом в отхожих местах и зубными палочками в умывальных. Они выбегали из бани с визгом, стыдясь обнажаться, а уж затащить их, даже после омовения, в бассейн было поначалу почти невозможно. Самых бестолковых и упрямых так и переводили в джарийе – низшие рабыни – навечно... если только, испугавшись, они не брались за ум.

Хуже было, когда волею судьбы в гареме объявлялись дочери состоятельных и знатных семейств, особенно из свободной Франкии и великой Бриттании. Порой даже в десятилетних аристократках фонтаном била кичливость своим происхождением; а как они умели помыкать прислугой и теми, кого считали ниже себя! Конечно, подобные трудновоспитуемые попадались редко. Но что интересно, мыться евро-

пейки не любили почти все, независимо от происхождения. Впрочем, быстро велись на ароматы душистых мыл и масел, легче обучались танцам, а в рукоделии иногда были искуснее здешних наставниц. Но вот покорными становились далеко не все и не сразу...

Ирис повезло. Относительно. Приобретённое, не поддающееся лечению заикание избавило её от самой жёсткой дрессировки. Конечно, искусствам любви и множествам способов ублажения господина обучали и её, наравне со всеми будущими одалисками, но слишком строго не спрашивали, и уж таким практическим занятиям, которым подвергались будущие одалиски, не мучили. Ей не пришлось сдавать испытаний ни удерживанию внутренними мышцами молока внутри естества во время танцев, ни по зажиманию специальных шариков, которые потом вытягивались наставницей из того же места испытываемой – и нити при этом должны были оборваться... Хвала всем вышним силам, этот позор Ирис миновал. Почему позор? Это ей раз и навсегда разъяснила нянюшка Мэг, с которой, пока девочку не перевели в Нижний гарем, они каждый вечер шептались в своей каморке: о покойной матушке и её родине, об обычаях других стран, о том, что на одни и те же вещи в Османии и в Европе смотрят по-разному, и то, что здесь в порядке вещей, там считается постыдным и унижительным. Впрочем, от той же Мэг она услышала вполне здравую мысль: привычное ещё не есть хорошее, а хорошее не всегда привычно. Мыться – не грех,

и даже в Европе кое-где сохранились общественные бани. А вот гаремы, пожалуй, грех, но только по законам тех же Франкии и Бриттании, а в Османии они в порядке вещей. И ещё неизвестно, что перед нашим единым Господом является большим грехом: иметь единственную жену – и при этом развлекаться на стороне с любовницами или продажными девками, или быть женатым на четверых, владеть наложницами, но честно, равно и справедливо обеспечивать своих женщин и детей кровом и пропитанием. Мэг научила девочку думать. Оценивать. Не вестись на вроде бы прописные истины, а всё пропускать через свой умишко.

Поэтому Ирис считала, что ей очень повезло. Лучше быть заикой-танцовщицей, чем расстилающейся пред ногами повелителя одалиской. Танцовщица – это хотя бы возможность будущей свободы.

... Но вот Нуха-ханум приблизилась и к их уголку. Окинула бдительным оком уже собранные постели, умытые личики, заготовленные для чистки зубов палочки-мисваки. Кивнула.

– Вы, пятеро, – указала на группку девушек, с которыми их наставница-«курица» занималась *особо*. – Сегодня у вас испытания. Кто выдержит их успешно – удостоится дальнейшей беседы с валиде-султан, которая и решит, на что они годны. Кто не справится – будет наказан, но через три месяца должен будет пройти испытания повторно. Опозорит вновь себя и меня – отправлю сразу в джарийе, на чёрную работу,

чтобы хоть часть того отбить, что в вас вложили, бездельницы... Далее: ты и ты, – ткнула пальцем в двоих, – у вас сегодня обычные занятия. Руфина-ханум вами довольна, продолжайте. Кекем!

Ирис чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности. Главная надсмотрщица редко кого удостаивала обращением по имени.

– Ты сразу с утра идёшь в бани. Тебе назначена парная, но главное – массаж; Айлин-ханум сама подберёт мастера и скажет ему, как с тобой работать. И чтоб каждое утро туда, пока наставница сама не отменит. Ясно? Ну?

– Д-да, го-оспо-о-жа...

– Не продолжай, – махнула та рукой. Нуха терпеть не могла заикания, худобы, веснушек, рыжину – всего, что шло вразрез с местными канонами красоты и совершенства, оттого-то давно уже эта несуразная Кекем была у неё как кость в горле. Но раз уж пресветлая валиде когда-то распорядилась её обучать, и сама Айлин заверила, что вырастит из этой убогой новую звезду танца – надо терпеть. Её долг – создать условия для новой танцующей бабочки, услаждающей очи Повелителя.

– Каждое утро, – повторила веско. И неожиданно добавила, махнув в сторону подруг: – И вы вместе с ней, Нергиз и Марджина. Я уже дала указания по вашей подготовке. Сегодня вечером Повелитель намерен одарить нас своим посещением. Вы будете среди тех, кто допущен пред его светлые

очи. Покажите себя в полном блеске.

И, милостиво кивнув, поплыла величавой походкой на выход.

Тёмные щёки Марджины посерели от волнения. Нергиз вспыхнула.

Вроде бы, в распоряжении Нухи-ханум не было ничего удивительного. Обучение этими девушками было пройдено, как и положенные испытания; валиде сочла их достойными звания *одальк*, а, значит, со дня на день им должно было поступить разрешение вместе с избранными наложницами приветствовать Великого Султана при его вечернем визите. Возможно, усладить его слух пением или приятной декламацией стихов, или искусной игрой на флейте. Поднести кальян. И готовиться к тому, что повелитель спросит её имя. А уж если к её ногам упадёт платок Самого...

Сейчас лишь выработанная годами обучения привычка скрывать истинные чувства сдерживала девушек от того, чтобы не разрыдаться. Одной от волнения, другой от страха.

Не таким уж это было неопишваемым счастьем – попасть на ложе к повелителю. Ирис это знала по судьбе своей матери, а её подруги – да и многие обитательницы Нижнего гарема – по рассказам, передаваемым шёпотом и с оглядкой. Иногда гюзде – «замеченные» султаном счастливицы – подобно настоящим звёздам, не только возносились на небеса, но и стремительно с них падали. Так, некоторые из них после ночи с повелителем возвращались, закутанные с головы до пят

в драгоценные покрывала, призванные отнюдь не охранять их стыдливость, а прикрывать рубцы на теле.

Потом девушки отлёживались сутки, двое, трое, пока не сойдут следы наказания. Широкой души был Великий Хромец: если уж любил, то любил, если гневался, что дева не угодила – брался за плеть. Самолично. Провинившейся, правда, давали время подлечиться, тратили на неё драгоценные заживляющие снадобья, дабы возвратить коже чистоту и бархатистость, после чего отправляли в домик кальф – старых служанок, либо продавали.

Кальфы являлись высшей кастой среди прислужниц. Бывшие воспитанницы лучших наставниц Серая, они хранили в памяти секреты красоты и ухода за лицом и телом, являлись непревзойдёнными травницами и знатоками лучших составов ароматических масел, банщицами, поварами, музыкантшами, писарицами, счетоводшами... Но путь в Нижний гарем был для них закрыт навсегда. Кто-то из них находил в этом благословение судьбы, но большинство молодых и амбициозных видели проклятье.

Поэтому-то, хоть представление перед лицом Великого считалось неслыханным везением, девушки прекрасно понимали, чем оно может обернуться.

– Д-да по-о-годите, мо-ожет, обо-обойдётся, – пробормотала Ирис. Марджина порывисто вздохнула.

– Думаешь, он нас даже не заметит? Да ну, это если Злыдня в первый ряд не выпихнет, а с неё станется...

– От судьбы не уйдёшь, – тихонько вздохнула Нергиз. – Тс-с! Девочки, на нас смотрят... Улыбаемся. Мы счастливы.

– Угу. Просто в себя никак не придём от счастья, – буркнула дочь знойной Африки. – Ты права, подруга. Но я пропадать в кальфах не собираюсь. Принцесса я или нет? Лягушонку проще, она на смотрины пока не допущена, и, скорее всего, вовсе не будет, а ты, бяляночка, если так боишься – прячься за мной. Если кого из нас двоих заметят – пусть лучше меня, я покрепче.

Нубийка знала, о чём говорит.

Ещё после сдачи испытаний, во время традиционной беседы с валиде-султан, она заметила нехороший блеск в её глазах и то, как придирчиво просматривала Гизем каждый изгиб её гибкого молодого тела, полного силы и звериной грации. Марджина была из племени воинов, копьём и луком в её роду владели одинаково искусно как мужчины, так и женщины. Воительница. Тот тип девушек, который всё реже и реже встречался в гаремах, и к которому так равнодушен был Великий Хромец, единственный сын валиде-ханум. Как же она на неё тогда смотрела!

– ...И ты не боишься?

Голос белокожей турчаночки задрожал от волнения, возвращая нубийку к действительности. Глупенькая Наргиз, она так разволновалась, будто Марджина уже добровольно шла на съедение крокодилу!

– Слушай меня, – снисходительно отозвалась чернокожая

подруга. – Слушай меня всегда. Я говорю – «Прячься!» – ты прячешься за моей спиной. Говорю: «Беги!» – ты бежишь. Говорю – «Не бойся!» – прекращаешь трястись, как овечий хвост. Ничего со мной не случится. Или ты забыла, кто из нас лучшая?

И, схватив кувшин с полосканием для рта и мисваку, принялась яростно чистить белоснежные зубы, давая ясно понять, что разговор окончен.

Она любила подруг, хоть и обращалась к ним грубовато, награждая порой обидными прозвищами, на которые девушки, впрочем, давно уже не обижались. Но даже самым близким, самым дорогим подругам утаила самую главную часть разговора с валиде.

А та, задав множество каверзных вопросов, послала служанку за старичком-кофеваром, выгнала из покоев опахальщика и двух евнухов, глянула на насторожившуюся после таких приготовлений новоиспечённую одалиску – и усмехнулась уголками губ. Глаза, впрочем, оставались суровыми. Колючими. Холодными. Глаза монгольского божка, не насытившегося кровью последней жертвы.

– Ты умная девочка, Анса-Ну-Рия.

Нубийка вздрогнула. За пять лет пребывания во Дворце наслаждений она, пусть и не забыла своё родовое имя, но отвыкла слышать его из чужих уст. И уж тем более, то, что оно осело в памяти валиде, само по себе заставляло задуматься.

– Умная. Хитрая. Изворотливая. Разбираешься в людях...

– Слова Гизем, скупой на похвалы, падали, словно отсчитывающие время звонкие капли. – Ты поняла, о чём я хочу с тобой говорить?

Марджина помедлила. Склонила голову. Пристукнули друг о друга жемчужины, вплетённые в выбеленные косички.

– Догадываюсь, госпожа.

– Тогда назови имя той, о которой пойдёт речь. Соперницы. Ошибёшься – разговора не будет, ты просто отправишься в Нижний гарем, как и все, выполнять свой долг. Угадаешь – придётся в дальнейшем рисковать, ходить по острию ножа, но впереди тебя ждёт моя поддержка – и власть, неограниченная... почти. И величайшие возможности для тебя и твоей далёкой семьи. Итак... О чём или о ком я хочу с тобой поговорить?

На лице цвета эбенового дерева не дрогнул ни один мускул. Безмятежная маска африканского идола, напившегося мангового сока и вкусившего свежей печени гиппопотама.

– О рыжей икбал, новой игрушке Повелителя. О Гюнез, у которой уже два месяца нет регул.

Звякнули, касаясь пластин веер из бивней эlefанта, серебряные чехольчики на ногтях валиде. Колыхнулись от движения воздуха дымные струи благовоний.

– Я в тебе не ошиблась. Ты умеешь слушать и делать выводы. Но готова ли ты ввязаться в войну, дочь царского рода? В мою войну?

– Да.

Коротко и ясно. Шестнадцатилетняя и шестидесятилетняя женщины понимали друг друга с полуслова.

И, несмотря на ещё недавнишнее равнодушие к своей судьбе в гареме, Марджина, дочь свободного когда-то племени, вынужденного склониться перед Османией, гордо расправила плечи. Принцесса никогда не будет кальфой. Лучше смерть. Если уж так случится – она погибнет с честью, унося с собой главную противницу. Но это в крайнем случае. Воевать с овцами и змеями, расталкивающими на пути к ложу Солнцеликого соперниц локтями, откровенно говоря, не представлялось особо сложным: лучше уж, отправив нынешнюю фаворитку в преисподнюю, Анса-Ну-Рия сама взойдёт на освободившееся место.

Глаза кровожадного божка на бесстрастном лице валиде вспыхнули чуть ли не ласково.

– Если ты победишь...

Обошла наложницу, с нежностью провела ладонью по крепкой высокой груди.

– ...быть тебе однажды следующей валиде-султан. Вот моё слово.

Европейцы весьма удивились бы, узнав, что загадочные «девы любви», одалиски из таинственных восточных гарем-

мов, куда ещё ни один из любопытствующих представителей западных соседей так и не смог заглянуть, на самом деле не пользовались духами. По крайней мере, в том виде, в каком те были известны в самой Европе. Галлоны пахучих смесей, масел и вытяжек, растворённые в различных водных и спиртовых основах, столь популярные среди далеко не всегда мытых дам и кавалеров Лондона, Лютеции, Гааги, Нюрнберга и иже с ними, дошли до восточных красавиц в виде иноземного курьёза, не более. И в самом деле, что это за баловство – нанести основанием пробки щипучую, хоть и приятно пахнущую, жидкость всего лишь на запястья, за уши, на шею... И всё? В то время как мест любви на теле – несчётное множество, благоухать маняще и возбуждающе должен каждый кусочек кожи, каждый уголок, коего вздумает коснуться губами или языком возлюбленный, сладостно содрогнувшись при этом от нежного, лишь *этой* деве свойственного флера. Абсолютно неповторимого, ибо наносной, искусственный аромат, смешиваясь с запахом её собственного чистейшего тела, приуготовленного со множеством ухищрений к ночи наслаждений, становится единственным в своём роде.

Настоящая пери подобна венку, сплетённому Творцом из лучших бутонов подлунного мира. Она сама всем телом источает аромат цветов, а ещё амбры и мирры, сандала и благовоний – по толике всего, что, гармонично вплетаясь в её природный запах, создаёт очарование для возлюбленного господина, который, даже закрыв глаза, узнает её среди сотен про-

чих дев.

Так учили в Серале.

Едкие и шибяющие в нос тяжёлые духи, как и всевозможные притирания, изобретённые придворными западными медикусами, одалискам были ни к чему. Они использовали масла, ароматические ванны для тела, ванночки и цветочные кашицы для лица, цветную глину для очищения кожи, хну и басму, чтобы ухаживать за волосами, свежайшие яйца, лимоны, мёд и воск... Да и много чего ещё. И наконец – *окуривания*: когда при сборах на ложе господина дева не менее часа сидела меж курильниц и ароматических свечей. Душистым дымом насыщались одежда, кожа, волосы. И вкупе с запахами масел, втираемых в кожу, и живых цветочных лепестков, применяемых в косметических таинствах, это превращало девушку и впрямь в небесную пери, в живую орхидею.

Поэтому никого из зашедших в хаммам не удивляло обилие кувшинов, тазов, амфор, чашек, плосечек всевозможных размеров, в изобилии выставленных на полках вдоль запотевших стен, облицованных мозаикой. Здесь выдерживались масла для втирания после расслабляющего или бодрящего массажа, с вечера заполнялись водой для настаивания целые чаны с лепестками роз, гибискуса, фиалки, а зимой туда же для согревающих нот добавляли палочки корицы и бутоны гвоздики. В серебряных ёмкостях отмокала целебная глина – жёлтая, белая, голубая, которая, измельчённая

и разведённая в густую массу, превосходно очищала и питала и тело, и волосы. Упаривались кашицы из лепестков гибискуса, розы и мальвы. Отдельным рядком стояли горшочки со смесью хны, истолчённой скорлупы грецкого ореха и сушёных листьев инжира – для того, чтобы пышные гривы красавиц сделать ещё роскошнее.

Здесь было царство кальф. Именно они хранили секреты – не красоты, поскольку уродин в гаремах не водилось, – а того, как эту красоту приумножить и сохранить на долгие годы. Потому-то с кальфами-банщицами старались сохранять хорошие отношения, ведь в их руках, даже старых, но всегда гладких и нежных из-за ежедневной работы с чудесными составами, находились порой успех и власть будущих владычиц сердца Великого Султана.

Несмотря на ранний час, назначенный двум одалискам и танцовщице, бани не пустовали. В этом царстве чистоты и гармонии действовало жёсткое расписание. А иначе попробуйте-ка, обеспечьте мытьём, массажем и красотой свыше полутора тысяч женщин! Естественно, такую прорву прекрасных дев обслужить даже за сутки было невозможно. Поэтому для каждой группы простых наложниц устанавливался свой, определённый день недели и час на визит в хаммам, но если, допустим, девушке случалось выделиться в чём-то перед наставницами – в качестве приза ей разрешалось зайти в святая святых вне очереди. К тому же, для «рядовых», одалисок попроще, жёстко регламентировалось время: от полу-

дня и до вечера, вечером же наступало царство тех, кого удостоил внимания и выбрал на ложе Сам, а также их возможной свиты, ибо танцовщицы, певицы, декламаторши и музыкантши должны были соответствовать прекрасной пери.

Для валиде-султан и её внучки были в банях особые апартаменты, с отдельным входом, ведущим прямо из покоев главной дамы гарема. Конечно, обычным смертным, кроме прислуги, дорога сюда была заказана. Что касается кадин, практически жён, их крошечные бани обычно примыкали к собственным покоям. Вроде бы, и отличие, и удобство, но без бассейнов и фонтанов, в изобилии имеющихся в главном хаммаме, удовольствие было неполным. Да, привилегия, но не сравнимая с роскошью банных комнат валиде.

Утренние банные часы предназначались для икбал и одалисок, всю ночь ублажавших Повелителя. Или не ублажавших, если ещё не пришёл их черёд, но служивших для остальных напоминанием: вот каких высот может достичь Избранная.

И ещё одной небольшой группке время для хаммама выделялось с самых первых рассветных часов. Для этих девушек, конечно, отводилось место подальше от бассейнов, в которых резвились икбал и избранные, и топчаны были попроще, но массажисты – сильней и опытнее, из тех, что могли вправлять вывихи, разминать сведённые мышцы, а при необходимости – поставить на место позвонок, втереть целебную мазь в растяжки... Там лечили. А ещё – помога-

ли тем, кому надлежало держать себя в форме. Туда-то Айлин-ханум и собиралась нынче отвести новую подопечную, на которую возлагала большие надежды.

...В большом помещении перед основным залом, выложенном цветным мрамором и служащим раздевальной комнатой, девушек поджидали. На Ирис, как на худышку, особого внимания не обратили, а вот над Марджиной и Нергиз тотчас захопотали две служанки, помогая раздеться, расспрашивая, какой аромат они выбрали для сегодняшнего дня и вечера, давно ли приводили в порядок ногти на руках и ногах, нужно ли наносить узоры из хны, какой состав для удаления волос на теле предпочтителен и не раздражает кожу... При последних словах Ирис, прислушивающаяся к шепету джарийе, невольно покраснела. У неё такой проблемы ещё не было, увы. Едва-едва наметившаяся грудь, в пятнадцать-то лет, упорно не желала расти, и была не единственным признаком того, что девушка ещё не скоро превратится в женщину. Её связь с луной до сих пор ещё не установилась. Голосок был по-детски нежен и почти тонок, а пушок, который у подруг щедро пробивался на руках и ногах спустя неделю-другую после применения мази из мёда, воска и лимонного сока, у Ирис отсутствовал напрочь. Даже подмышки не зарастали, чего уж говорить о лобке... Хотя то, что искренне её огорчало, вызывало порой приступы жгучей зависти у подруг. Кожа, гладкая, как шёлк, и без малейших усилий, подумать только! Обитательницы гарема хорошо зна-

ли, какое мучение порой приносит неудачно подобранный для эпиляции состав, а уж если попадётся банщица, не особо церемонящаяся, или кальфа, вздумавшая проверить на тебе новинку вроде горячего воска либо шариков из жжёного сахара... Б-р-р... Наверное, неудачная ночь с Повелителем и последующее наказание куда мягче такого вот зверства.

В раздевальную комнату пёстро одетой лебедью всплыла пышная Айлин-ханум. Величественно кивнула присутствующим. Оставив без внимания Марджину и Нергиз – это ведь не её подопечные – глянула на угловатую фигурку рыженькой будущей звезды и только головой покачала. Скомандовала дежурной смотрительнице, приглядывающей за порядком и разводящей пришедших по приготовленным для них уголкам в залах:

– Иви, нам для массажа нужен Али, и только он. Предупреди, чтобы не отвлекался на других.

Девушка вдруг смутилась.

– Но, госпожа... Али уже заказан. Госпожа Гюнез хотела сама...

Брови учительницы танцев поползли вверх.

– Кто-кто? Гюнез? Кто такая? Не помню!

Смотрительница, побледнев, сделала большие глаза и выразительно глянула за спину Айлин. Та, даже не дрогнув, обернулась.

– Да нет же, прекрасно помнишь, – раздался голос, и в раздевалку в сопровождении трех служанок величаво и гор-

до вступила – именно вступила, как султанша! – красавица с великолепной рыжей гривой, пышной, кудрявой, не сдерживаемой ни платком, ни шапочкой. – Или ты забыла свою не слишком усердную ученицу, ханум? А ведь ты немало изведала на меня затрещин, я-то помню!

Конечно, тень угрозы в прелестном голосе, журчащем, как ручей, можно было расценить не более чем шутку. В подтверждение чему красавица весело заулыбалась.

– Но раз ты настаиваешь на Али, уважаемая, тебе, очевидно, этот мастер нужнее. Я всего лишь неумёха по сравнению с твоими легкокрылыми бабочками и не могу вмешиваться в твои таинства подготовки.

Усмехнувшись, она стрельнула глазами в сторону благо-разумно притихших девушек... и вдруг побледнела. Ирис могла поклясться, что при взгляде именно на неё у вошедшей девы перехватило дыхание. Но вот та перевела дух – и несколько деланно засмеялась.

– Ф-фу... Как тут, однако, жарко. Иви, милая, найди для меня место попрохладнее, я чувствую, что мне нынче будет не очень хорошо в горячей парной, а вы тут с утра уже расстарались... В моём положении слишком сильный жар вреден.

Согнувшись в почтительном поклоне, служительница, едва успев выпрямиться, опрометью кинулась в главный зал. Чёрные евнухи распахнули перед ней массивные двери, отделанные позолоченной резьбой, и из широкого проёма по-

тянуло горячим паром и смешанными цветочными ароматами. Красавица благосклонно кивнула.

– Не закрывайте за ней, пусть немного выветрится. Девочкам тоже, наверное, непривычно... Вы ведь здесь впервые? – Она вновь пристально оглядела подруг, особо задержавшись взглядом на Ирис.

– Впервые с утра, госпожа Гюнез, – вежливо ответила Нергиз.

Новая фаворитка султана понимающе прикрыла веки.

– Ах, вот оно что... Какие прелестные девы, настоящая усада для очей нашего повелителя, тонкого знатока красоты. И вы предстанете перед ним сегодня? Счастливицы! Призываю милость Аллаха на ваши души, и пусть он пошлёт каждой то, о чём она грезит. А ты, дитя... – она ласково взглянула на Ирис, так и застывшую от непонятного страха и всё ещё сжимавшую в руках лёгкое покрывало, при прозрачности своей почти ничего не скрывавшего. – Я вижу, ты ещё слишком мала для одалиски, но тоже удостоена раннего посещения этого места. Постой, я угадаю! – Обрадовавшись, как девочка, захлопала в ладоши. – Ты – будущая «бабочка», да? Айлин-ханум, это твоя новая ученица?

– Ты проницательна, как всегда, – удивительно вежливо ответила прославленная учительница танцев и давняя подруга самой валиде-султан, куда-то припрятав извечную бесцеремонность и даже некую развязность, с которой частенько обращалась не только к себе подобным, но и к тем, кто

рангом выше. – Но напрасно ты намекаешь на мою плохую память. Я ещё, хвала Всевышнему, не страдаю старческим слабоумием. Просто ещё полгода назад ты была всего лишь Кикек, «Цветочек», такой я тебя и запомнила.

Очередная лёгкая улыбка пробежала по губам прелестницы.

– Да, но недавно господин дал мне новое имя, сочтя прежнее слишком уж простеньким. А кто я такая, чтобы возражать наимудрейшему и справедливейшему? – В преувеличенном смущении потупилась. И тотчас вскинула огромные карие глаза. – Ханум, так ты отпустишь ко мне Али, когда он освободится? Мне так много о нём говорили, что я, наконец, тоже возжелала почувствовать целебную силу его волшебных рук. Говорят, он просто чудодей. А у меня в последнее время так и тянет поясницу.

Изящно выгнув стан, она, поморщившись, приложила обе ладони чуть выше копчика.

Наставница танцовщиц заколебалась.

– Право же... Не знаю, стоит ли об этом говорить, Кикек... прости, это я по привычке... Гюнез, может, кто-то сейчас и расстилался бы перед тобой в желании услужить и начал бы поддакивать, но я не из таковских. Так что скажу тебе сейчас прямо: не бери Али. Знаешь, почему?

Красавица-икбал в удивлении приподняла хорошенькие рыжие бровки, с утра ещё не тронутые тушью. Во Дворце Наслаждений женщины наносили краску на лица только ближе

к вечеру, чтобы весь день чистая кожа дышала и сияла натуральной красотой.

Ханум как бы нехотя пояснила:

– Али не всегда умеет сдерживать силу. А ты сейчас... твоей пояснице нынче достаточно чуть большего нажима в некоторых точках – и, боюсь, это может привести к непредсказуемым последствиям. – Красавица вдруг побледнела так, что на носу и щеках проступили невидимые до того под загаром веснушки. Айлин, словно не замечая реакции, продолжала: – Отчего бы тебе не взять, к примеру, Омара? Советую. Блестящий мастер, обучался в Чайне и в Сиаме, прекрасно делает массаж не только руками, но и пальцами ног... Это нечто. – Поцеловала кончики пальцев. – Советую. Почувствуешь себя возрождённой... после бессонных ночей, их, я смотрю, у тебя в последнее время выпадает немало.

Гюнез вновь в показном смущении опустила ресницы, сдерживая усмешку.

– О да, – выдавила со смешком. – Что ж, если так, беру Омара. И благодарю за столь ценный совет. О Аллах! – Она вдруг схватилась за сердце. – Михмир, негодница! Кто посоветовал тебе этого Али, будьте неладны вы оба? Ты представляешь, что со мной могло случиться?

Смуглая до черноты, рябая девушка, служанка фаворитки, взыв, бросилась ниц, обнимая хозяйские ноги. Остальные рабыни отшатнулись от товарки, как от прокажённой.

– Госпожа, умоляю, пощадите!

– Кто?

В нежном голосе зазвенела сталь. Евнухи, до этого застывшие чёрным изваяниями у дверей в зал, поспешно шагнули к провинившейся, ловя взгляды икбал.

Айлин-ханум укоризненно покачала головой.

– Чш-ш, тише, Цветочек. Тебе вредно чересчур гневаться. На будущее скажу так: не слушай ты эту дуру Михмир. Захочешь узнать о мастерах своего дела – спрашивай таких же мастеров, а не рабынь. Меня спроси, например. Зухру спроси, она тут недаром третий десяток лет в главных банщицах, про всех расскажет, с их достоинствами и недостатками. С этих, – кивнула на скулящую у ног хозяйки рабыню, – какой спрос, они знают только сплетни... Бери Омара. Не пожалей.

Словно облачко сошло с разгневанного личика рыжеволосой пери.

– Благодарю, – выдохнула с облегчением. – Раз ты советуешь – я спокойна. Ну, ты, – пнула служанку. – Поднимайся, нерадивая, и благодари ту, что заступилась за тебя, ничтожную! Слышала госпожу Айлин? Впредь не смей мне советовать, пока сотню сотен раз не проверишь всё, что нужно, иначе однажды я вырву твой торопливый язык! – И, без всякого перехода, безмятежно: – Помоги же мне, наконец, раздеться, глупенькая.

Вскочив на ноги с такой поспешностью, будто кто вздёрнул её за шиворот, Михмир бросилась разоблачать хозяйку.

Та позволила снять с себя лёгкое верхнее покрывало из прозрачной тафты, шаль-кушак, повела плечами, освобождаясь от кафтанчика с жемчужным пуговицами, и, наконец, дала бережно освободить себя от крошечной кофточка-болеро, сверкнув белоснежным грудями совершенной формы, будто две опрокинутых чаши с тугими бледно-розовыми вершинками, не тронутыми хной. Все знали, что Повелитель не любил раскрашенных тел, допуская лишь толику косметики на лице, а потому ладони, ступни и соски расцветчивали лишь в случае, если Великому приходило в голову осчастливить приближённых или гостей лицезрением своих верных рабынь, либо предложить на выбор, в знак особой милости...

Не сводя глаз с прекрасной фаворитки, Марджина, уже полураздетая к моменту её прихода, стянула через голову прозрачайшую рубашку, томно изогнувшись. Колыхнулись от движения грушевидные тёмные перси с вишнёвыми сосками – налитые, мощные, словно уже сейчас готовые вскормить целый выводок эбеновокожих крепких младенцев. Скользнули к маленьким, будто изваянным из чёрного мрамора, ступням полупрозрачные шальвары, открывая совершенные бёдра – чуть стройнее, чем у белокожей фаворитки, и точёные голени, и восхитительные узкие щиколотки. Массивные ножные браслеты подчёркивали кажущуюся хрупкость кости, но круглые тугие ягодицы убеждали в обманчивости этой хрупкости. Одним зрелищем таких ягодиц,

играющих в танце, самые страстные невольницы могли довести своего господина до пика наслаждений, ещё не приступая к любовной игре.

В пупке, способном вместить целую бриттскую унцию орехового масла, сверкало тяжёлое золотое кольцо с изумрудом.

Рядом с подругой и Нергиз явила свою первозданную красоту. От матери-гречанки ей досталось совершенное тело, достойное резца Праксителя, и молочно-белая кожа без единого пятнышка; от отца-османца – иссиня-чёрные волосы и глаза-звёзды в обрамлении пушистых ресниц, которые и в краске-то не нуждались. И уж грудь у неё была такова, что ожерелье из золотых монет на ней не висело, а лежало горизонтально. Сняв украшение, дева поискала глазами, куда бы его пристроить на время омовений, но не найдя достойного хранилища, застегнула на талии. Этим ли была вызвана лёгкая прозелень на румяных до того момента щёчках фаворитки-икбал – остаётся только гадать.

Ирис с досады захотелось плюнуть. Они тут, значит, телесам меряются, а ты стой, завидуй и чувствуй себя несчастной скелетиной. Спohватившись, нащупала в кармане снятого было кафтанчика персик. Пробормотала:

– Я се-сей-ча-ас... только к Мэ-эг...

Поспешно накинула одежонку и побежала к боковой двери, ведущей в топочную. Чтобы снести нянюшке гостинец, оставшийся от завтрака.

Успела услышать за спиной:

– Ах, она ещё и заика... Бедное дитя!

Должно быть, уязвлённой в самое сердце чужой красотой рыжей фаворитке надо было хоть кого-то укусить, лишь бы оставить за собой последнее слово.

Ирис бежала по узкому коридорчику для слуг, а глаза щипали непрошенные слёзы. В иные моменты ей было плевать на свою худобу и нескладность, но иногда, как сейчас, разбирала самая что ни на есть жгучая зависть. Ей тоже хотелось быть такой – полногрудой, высокой, крутобёдрой, чтобы, чего уж там, косились на неё завидующими глазами подруги и увядающие наставницы. Чтобы вертелись вокруг банщицы, осыпая похвалами каждый кусочек разминаемого массажистом тела, угодливо спрашивали, что она, госпожа, предпочитает во время отдыха – прохладный шербет или дыню во льду. Наносить ли ей узоры на ладони, подправить ли ногти, попробовать по-новому заплести косы... Хотелось быть красивой.

Хотелось быть девушкой, наконец, а не каким-то цыплячьенгим недоразумением! Порой, слушая рассказы верной Мэг о красоте покойной матери, Ирис искренне недоумевала: как у красавицы, покорившей сердце самого Баязеда, уродилась такая лягушка? И впрямь, подходит ей это имечко, «Ке-кем» – это почти как лягушачье кваканье... Стыд, да и только. А главное, лекарство, назначенное почтенным Аслан-беём, которое она исправно пила каждое утро, не по-

могало. Хоть добрый табиб и уверял её, что однажды она непременно расцветёт, надо только подождать... не помогало. Зеркала упорно отражали торчащие ключицы и выпирающие скулы, большой рот и узкий таз... В такие минуты она сердито говорила себе: ну и пусть! Зато Повелитель не обратит на меня никакого внимания, нужна-то я ему!

«Не хочу быть икбал, – мстительно думала она. – И даже кадиной не хочу! Куклы, лживые куклы!»

Девушка вдруг остановилась, не замечая, что уже добежала до нужной ей двери.

Она назвала Гюнез лживой? Такую кроткую, ласковую со всеми, такую воспитанную! Да, икбал разгневалась на служанку, но тут же смягчилась; а другие, говорят, рабынь по щекам хлещут.

Но про Гюнез разное говорят...

И как-то странно она на Ирис глядела. Уставилась, будто и впрямь лягуху перед собой увидела.

Она встряхнула рыжекудрой головой.

Не судите, да не судимы будете, сказал христианский бог. И она... не будет торопиться осуждать.

Об Иисусе и его мудрости ей не раз говорила Мэг, но под строгим секретом, с оглядками. Поэтому девушка знала и о чудесном непорочном зачатии девы Марии, и о её великом сыне, принявшем мужественную смерть на кресте во имя искупления грехов человеческих. Нянюшка рассказывала всё, что когда-то слышала от священника в своём приходе, в да-

лёком-далёком городе Дублине: о сотворении мира, о первых людях и первородном грехе, о пророках и мессиях, о Ное и Лоте, об Ионе в чреве кита и царе Соломоне. Сказки её были интересны, завораживающи, и опасны, потому что запретны. Но Ирис умела хранить секреты.

Это не трудно, когда ты, волею судьбы, неболтлива.

Глава 2

Северянка Мэгги, или, как её на первых порах называли в Серале, Красноголовая кормилица Мэг попала в рабство в неполные двадцать лет.

В те времена пираты заплывали на северные побережья часто. После заключения мирного договора между Франкией и Испанией, а потом и Бриттанией, каперы потеряли поддержку монархов и вынуждены были заняться вольным промыслом. Кануло в Лету время, когда на обвинения и угрозы со стороны испанских капитанов – да и просто подвернувшихся под жадную руку торговцев, независимо от флага на судне – «джентльмены удачи» предъявляли королевский патент и считали себя защищёнными Его Величеством Вильямом, поскольку часть добычи шла непосредственно в казну. Прошли золотые времена, когда склады негоциантов в Плимуте, основной базе «морских псов», от которых не было житья дряхлеющему испанскому льву, ломились от гвоздики и перца, бразильского дерева и амбры, шелков и драгоценностей, старых вин и сахара; а в тёмных лавках по соседству можно было по смешной цене разжиться драгоценностями, снятыми с убитых, бархатными и шёлковыми камзолами с плохо смытыми следами крови. Честные каперы как-то одновременно превратились в грязных пиратов, которых

любой порядочный торговец, оказавшийся сильнее и увёртливее в abordаже, имел право повесить тут же, на рее, без суда и следствия, ибо состав преступления был налицо. Да и какой суд в открытом море? А занимать место в трюме, тратить припасы и драгоценную воду на убийц и воров, чтобы довести их до присяжных в ближайшем порту, где их всё равно вздёрнут – такую благотворительность редко кто себе позволял. Тем более что и отношение судейских к «джентльменам» резко переменялось. Если ранее от имеющих патент каперов кормились сотни комиссионеров, кабатчиков, весёлых домов и притонов, и, разумеется, нечистые на руку шерифы и судьи – то сейчас конфискует у осуждённых за морской разбор шёл в казну через руки тех же судей и шерифов, без, так сказать, оттока на сторону.

Грабить в море становилось делом опасным и неприбыльным.

Но на пиратском рынке появилась иная ценность, которой пока можно было разжиться малой кровью, а барыш получить неслыханный. Расцветающая Османская империя возводила дворцы и мечети, казармы и медресе, рыла каналы и орошала пустыни, где, как по мановению волшебной палочки, зеленели сады. Нужны были люди и рабочие руки. Во дворцах и Сералях роскошные залы пустовали в ожидании красавиц и их служанок и евнухов. Хозяйки в домах попроще с нетерпением ждали дешёвых рабов... Рабов!

А на северных побережьях так много крохотных незащи-

щённых деревушек, до которых никому нет дела, особенно если главы кланов грызутся меж собой, и им не до присмотра за своими же крестьянами и рыбаками. Две-три удачных рейда – и трюм бывшего «морского пса» забит живым товаром. Кого-то оставят для собственного пользования, но большая часть благополучно доедет до места сбыта. Конечно, благополучно, ибо чёрная кость неприхотлива, выдержит и тесноту вонючего трюма, и бурду из лохани, подаваемую раз в день, и болтанку в шторм... Двое из десяти точно сдохнут по дороге, но из «чёрного» товара с берегов Африки, говорят, доплывает всего половина, так что – останется с чего поживиться.

Особенно если среди добычи попадались девственницы и дети. Этих на кораблях содержали особо, и даже кормили получше, чтобы довести в целости и сохранности.

Мэг была замужем. И не очень красива. От участи матросской грелки, коей не избежали несколько её землячек, и от дурной болезни, могущей вслед за тем последовать – это если останется жива! – её спасла лишь заметная к тому времени беременность. Брюхатые тоже были в фаворе: купить практически за одну цену двоих рабов считалось у хозяев очень выгодным. Поэтому до Стамбула она добралась лишь исхудавшей, ибо кусок не лез в горло от беспрестанной тошноты, да издёрганной. Позади оставались смерти родных и пожар, сожравший деревню, куда она и приехала-то из города на неделю – навестить мать с отцом... Впереди – неизвест-

ность. Угодить в наложницы из-за некрасивости и возраста не светило, выкупа ждать не от кого, да и кому она нужна? Оставалось лишь уповать на хороших хозяев и милосердие Божие, которое, говорят, не оставляет добрых христиан ни-где, куда бы ни закинула злая судьба.

Первой же ночью на суше, в Стамбульском портовом бараке для сортировки рабов, куда их согнали помыться и отдохнуть перед завтрашними смотринами, она родила мёртвого сына. И не знала, рыдать ли от горя или радоваться, что мальчик попал в рай, не успев изведать мучений. В ад для некрещёных младенцев она не верила, ибо невинной душе там делать нечего. Торговец, её временный хозяин, велел убрать трупик ребёнка, огорчённо поцокал языком, но пощупал набухшие от прибывающего молока груди рабыни – не побрезговал! – и выставил-таки её на торги. Откормив и отпоив за три дня и дождавшись, когда сойдут тёмные круги под глазами. Женщина-лекарка, под надзором которой она находилась всё это время, строго-настрого следила, чтобы чужеземка сцеживала молоко, не допуская перегорания, и то и дело смазывала ей соски от возможных трещин.

Рыжая Мэг прятала злые слёзы и твердила сама себе, что нипочём не станет выкармливать неизвестно чьего младенца, лучше придушит в колыбели, и пусть её казнят. Сколько раз от тоски хотела в дороге наложить на себя руки, да удерживало сознание, что грех, что так со своими и на том свете не встретится. А казнят, да ещё иноверцы – сразу полетит

душа в рай... Про возможно загубленную душу чужого дитяти она старалась не думать.

Её купили. Долго везли в какой-то тёмной душной колымаге с решетчатыми окнами, вместе с молоденькими перепуганными девушками, которых сразу же по прибытии в необъятный, как Мэг показалось, город-дворец куда-то увели, а её отправили мыться, париться, на осмотр к очередной лекарице, потом к пожилому мужчине-лекарю... К великому облегчению ирландки, тот заговорил с ней на бриттском наречии, и Мэг едва не зарыдала от счастья, даже забыв на какое-то время о мрачных планах. Хоть одна душа нашлась, которая понимает и что-то расскажет о её дальнейшей судьбе! Когда её нарядили в шелка и атлас, она оторопела. Её, рабыню? Хоть и стыдно было напяливать шальвары, пусть и прикрытые потом кафтаном, хоть верхняя кофта с почти открытой грудью не давала лишний раз вздохнуть без опаски – она сообразила, что одежда эта, пусть и срамная, стоит очень дорого. Как и туфли с загнутыми носками, расшитые бисером и серебром. А когда к ней приставили девушку-бриттанку и объявили, что вот эта Сара – её личная служанка, голова вообще пошла кругом. Что происходит? Её ни с кем не спутали? Или... Она тогда аж похолодела от испуга. Не принесут ли её в жертву какому-нибудь божку? Кто их знает, этих иноверцев, какие у них обычаи...

Но тот же добрый лекарь, *табиб* по-здешнему, терпеливо растолковал, что бояться ей нечего. Что жить она здесь бу-

дет очень хорошо, ибо купили её не для кого-нибудь, а для любимой *икбал*, то есть фаворитки великого Баязеда, которая только-только родила девочку, и, хоть готова была сама кормить её грудью – султан не разрешил, дабы не портилась красота любимицы. Вот и понадобилась кормилица. И не какая-нибудь. Как это часто бывает у рожениц, *икбал* затосковала, и даже крошечная дочка не могла излечить её от печали. Поэтому-то, дабы гнев повелителя не пал на нерадивых слуг, *капа-агасы* – глава белых евнухов, решил порадовать госпожу рабыней-соотечественницей. А придя на невольничий рынок, понял, что Аллах воистину благоволит им всем – и госпоже, и ему, а заодно и той красноволосой, недавно родившей невольнице, выставленной на торги как возможная кормилица. Ведь она, по счастливейшему стечению обстоятельств, оказалась родом из далёкой Ирландии, отчизны прекрасной *Найрият*.

И вот тут сердце *Мэг* дрогнуло. Не она ли просила Творца о милости? Как ещё расценивать это неслыханное везение? И если *Всевышний* сохранил ей жизнь и привёл сюда, в безопасное место, в сытость и покой, ведь покормить младенца – невелик труд, значит, и впрямь, он её не оставил даже здесь, среди чужих людей чужой речи, чужих и страшных обычаев.

А уж когда увидела ярко-рыжую гриву будущей госпожи и зелёные в крапинку глаза, точь-в-точь как у старшей погибшей сестры – поняла: да, не оставил. Она с радостью умрёт

за эту девушку. Почему-то даже родившую, давно не невинную, её, Найрият, бывшую Эйлин О'Рейли хотелось называть именно девушкой, столько в ней было чистоты.

В ней и в Ирис. Они стали её домом, её жизнью. Её любовью.

И когда там, во дворе, заполненном янычарами Хромца, она завопила, увидев Ирис в лапах свирепого воина:

– Это моя девочка! Моя дочка!

...она кричала чистую правду.

В топочной было жарко, но не влажно, поэтому Мэг сегодня не кашляла. Здесь всего лишь подбрасывались сухие поленья в громадные топки под закрытыми ёмкостями, из которых по латунным трубам вода поступала сперва в большие ванны банных залов, а уж оттуда, разбавляемая холодной из других труб, шла в бассейны и фонтаны. Их по всему хаммаму журчало великое множество: и пристенных, для малых омовений, где вода поэтично переливалась из одной переполненной чаши в другую, и бьющих высокими звонкими струями, дарящими прохладу после жаркой парной. Отделанных мрамором и керамикой, глазурью и мозаикой, припрятанных в укромных нишах и красующихся в центрах залов, подставляющих бордюры прекрасным одалискам, любившим погружать в тёплую ароматизированную воду то то-

чёные ступни, то изящные кисти, украшенные кольцами...

Много воды, порой много пара... всего, что в последнее время делало жизнь Северянки Мэг невыносимой, отзываясь в изношенных лёгких хрипением, бульканьем, вызывая приступы тяжёлого надсадного кашля, хвала Всевышнему – пока без кровохарканья, иначе не быть ей здесь, не видеться больше с Ирис. От безнадежно больных рабынь в Серале избавлялись быстро и «гуманно» – переводя в городскую больницу для бедных. Или продавая за бесценок. Валиде-султан страшно боялась заразы, а потому при первых признаках заболеваний среди прислуги создавались целые банные отряды, нещадно парившие и отмывающие заболевших и тех, кто жил рядом, с мылом – не душистым, а едким, с серой и дёгтем. Пропаривались и окуривались целебными травами помещения, постели, одежда. Действительно больные изолировались, еду им подавали через специальное окошко в дверях, не приближаясь, дабы не дышать одним с ними воздухом.

Возможно, эти меры были правильными. Но вот только лечить таких бедолаг особо не лечили. Оставляли гору снадобий, рекомендованных табибами, и предоставляли несчастных своей судьбе. Флигель или домик закрывался снаружи, и засов снимался лишь спустя неделю, достаточную, как тогда считалось, либо для выздоровления, либо для умирания.

Молодые, как правило, выживали.

Но Мэг, которой шёл уже тридцать шестой год, молодой

не считалась. К тому же, болезнь, которую она скрывала до поры до времени, как могла, исподволь подтачивала и старила её, отнимая с каждым днём силы и пригибая к земле. Это ухоженные гаремные дивы замирали в одной поре, изощряясь в сохранении красоты и молодости. А женщины, занятые на чёрной работе, старились быстро.

И уже не одну рабыню при гаремном хаммаме сгубили пар и вода. А ещё – лимонный сок и сода, смесью которых то и дело обрабатывались от известкового налёта мраморные стены бассейнов, а ещё – горячая зола топок и та едкая жидкость, которой обрабатывали для блеска латунные краны и водомёты фонтанов...

Мэг держалась.

Пока Ирис не исполнилось двенадцать – им разрешалось жить вместе. Потом, когда почтенный Аслан-бей признал со вздохом, что косноязычие неизлечимо, но не мешает, однако, девочке овладевать наукам и искусствам, которые должна знать каждая наложница – «дочь» Северянки перевели в общий гарем, к новеньким, а саму Мэг – в домик прислуги. И она ещё благодарила Бога за то, что малышку определили в одалиски, ибо, сама уже сполна натрудившись, не желала для девочки участи прислуги. Пусть уж... так. Глядишь, Повелитель не польстится на заику. Проживёт в Серале девять лет, до двадцати одного года, а потом...

Как заветного рубежа, она поджидала этого «потом».

Одалиска, которой за девять лет пребывания в Серале так

и не выпало оказаться на ложе Повелителя, могла подать прошение – и покинуть гарем. Закон этот свято соблюдался, мало того – султан брал на себя заботу о дальнейшем достойном существовании девушки, виноватой лишь в том, что при многочисленности обитавших во Дворце наслаждений красавиц за это время так и не попалась ему на глаза. Деве назначалось хорошее приданое и подыскивался достойный муж, ведь не может она, до сей поры окружённая заботой, живущая в тепле и сытости, быть брошена на произвол судьбы, без крова, без пропитания, без надёжного защитника! Ей непременно нужен муж.

...Правда, что уж там говорить...Закон, конечно, не нарушался. Вот только в Серале о его существовании знали немногие: главные наставницы, в обязанности которых входило отслеживать сроки пребывания дев в обители любви, главный евнух и несколько избранных. Девушке, которой и впрямь больше нечего было ожидать от судьбы, потихоньку, вместе со взятием клятвы о молчании, сообщали о возможности оную судьбу изменить. И некоторые соглашались. И получали в мужья кого-нибудь из военачальников, или приближенных ко двору, или даже Советников самого Великого Султана. Правда, последнее считалось не слишком удачным: чем выше ранг, тем больше гарем, и становится четвёртой женой, да ещё в окружении возможных наложниц, оказывалось куда невыгодней, чем, например, стать единственной супругой не слишком известного начальника сотни янычар.

Единственной! Поэтому те из девушек, кто желал подёргать судьбу за хвост, предпочитали рискнуть.

Но большинство, как ни странно, с почтением отклоняли предложенную возможность, хоть и знали, что второго такого случая не будет. В замужестве надо вести домашние дела, распоряжаться слугами, следить за кухней, воспитывать детишек, одним словом – каждодневно решать уйму проблем, работать. Да ещё и исполнять супружеские обязанности... Вот в этом, пожалуй, гаремные девы могли посостязаться с прочими супругами, выросшими в отчих домах, но что касается остального – увы. Хоть прелестниц и обучали основам домоведения, предполагая, что, возможно, и эта наука им когда-то пригодится – большинство из них к двадцати годам ничего не умели, кроме как заботиться о себе и холить тело, проводя сутки напролёт бездумно, и от скуки иногда балуясь запретным пьяным шербетом. А некоторые и гашишем, иногда даже в компании молоденьких евнухов, отсутствие у которых известных частей тела не мешало ублажать дев иными способами, нежели природными. Конечно, этих устраивало и далее оставаться в сытости и безделье. Ничего, что неизбежен переезд в Дом Оставленных Дев, главное – они по-прежнему под заботливой рукой Повелителя.

И никто не подозревал, что совсем скоро сладкая жизнь для них закончится. Практичная валиде-султан всех пристраивала к делу. Откуда-то, рано или поздно, пополнялись ряды кальф!

Но Северянка Мэг хорошо знала свою девочку. Возвращенная в сад покорности и послушания, она, тем не менее, обладала упорным характером и извечным стремлением делать всё поперёк. Птичка, рождённая с любовью к свободе, будет мириться с клеткой лишь до поры до времени. И не зря нянюшка нашёптывала своей кровинушке о дальних странах и чудесах, о мире, бушующем за стоячим болотом дворца. Конечно, она ни разу не обмолвилась о пресловутом Законе, но готовила, подводила к мысли, что гарем – это не Вселенная. Что может появиться возможность упорхнуть навсегда в тот большой мир, куда иногда наложниц вывозят в большой закрытой карете покататься, поглазеть. Пусть для этого непременно придётся стать чьей-то женой, да, но ведь все девушки рано или поздно выходят замуж! Зато – свобода... Один только господин, да и то, наверняка, не такой грозный, как султан; а если, к тому же, молодой и доброго нрава... И совсем мало соперниц, а, возможно, и никаких. И ни надсмотрщиц над тобой, ни капы-агасы, ни грозной валиде-султан; что хочешь – то и творишь в собственном доме. Можешь даже уговорить мужа выкупить из Сералья стареющую, но ещё пригодную к работе Северянку Мэг...

Оказалось, Ирис прибежала очень удачно. Нахлия, старшая над банными служанками, уже прошла с проверкой,

напарница Мэг, молоденькая джайрин, выскочила в Большой зал глянуть хоть одним глазком на тех избранных, кому выпало удовольствие самого нежного и щадящего утреннего пара и незаморенных массажистов. Нянюшка и её приёмная дочь получили возможность поговорить без лишних глаз и ушей. Дружба и какие-то близкие отношения с прислугой в гареме не приветствовались, и потому Нуха-Злыдня давно уже недобро косилась на бестолковую Кекем, никак не могущую уразуметь, что какая бы там ни была мать, а она всего лишь низшая, о которой надо забыть, если уж ты добиваешься высокого звания одалиски или танцовщицы. Вот Ирис и приходилось ускользать на редкие встречи украдкой, да ещё прятаться от хаммамных надсмотрщиц, каждая вторая из которых готова была тотчас доложить Нухе-ханум, что «опять эта неразумная приходила повидаться со старухой».

Нынче Ирис и Мэг выпало с четверть часа, чтобы побыть наедине, пока никто не хватился танцовщицы и не заглянул в топочную просто так, для порядка. Обнимаясь с нянюшкой, Ирис вдруг поняла, что на самом-то деле подружки не просто так похвалялись перед новой фавориткой своими прелестями: они отвлекали на себя внимание, наверняка догадавшись, кому предназначался оставленный от завтрака персик.

Не старая, в сущности, но по местным меркам уже отжившая своё женщина и молодая девушка, почти девочка, обнялись, присев на жёсткой скамейке. Помолчали. Из-за того, что Ирис в такие моменты волновалась и заикалась больше

обычного, говорили мало, в основном Мэг. Так и сейчас. Погладив родную рыжую головушку, она ласково шептала, что всё с ней хорошо, что какой-то удачный день сегодня, она уже, почитай, три дня как не кашляет. И как славно, что её сюда перевели: должно быть, табиб о ней всё же вспомнил да написал записочку Старшей...

– Д-долго не при-хо-одит, – протянула Ирис. За годы приобретённого косноязычья она уже привыкла усекать фразы – чтобы и самой не мучиться, и не изводить окружающих, которые далеко не всегда были терпеливы и ласковы, как тот же табиб Аслан-бей.

Мэг, как всегда, поняла её с полуслова.

– Болеет он сейчас, я слышала. Немолод уже, седьмой десяток пошёл, а всё на ногах.

Ирис кивнула.

– Не до нас.

Короткие слова давались ей легко – если их словно выпевать, а не просто говорить. Этому научил её лекарь. В редкие минуты, когда ей удавалось оставаться одной, она пела шёпотом – и, как ни странно, целые куплеты получались ровно, гладко. Но в обыденности – ничего не выходило. Она опять стопорилась почти на каждом слове. Возможно, оттого, что почти всё время ожидала то наказания от Нухи, то подвохов от злых девиц? Были в Нижнем гареме несколько злюк, которые то и дело шпыняли тех, что не могут достойно ответить.

А возможно, девушка всё больше помалкивала ещё и от-

того, как сказал когда-то уважаемый Аслан-бей, что она просто не хотела общаться. И добавил непонятно: у тебя нет стимула. Может, оно и к лучшему... Пока.

– Да уж, ему не до нас...

– Мэ-эг, а почему он... – Ирис забавно почесала нос, как всегда делала, когда о чём-то задумывалась. – Его сю-уда про-опускают? Он то-оже е-евнух?

Нянюшка удивлённо отстранилась.

– А ты не знаешь?

Закрасневшись, Ирис мотнула головой. С чего ей надумалось спросить? Должно быть, вспомнила чернокожих скопцов, сорвавшихся недавно с места в готовности услужить новой фаворитке. А вслед за этим воспоминанием пришло и ещё одно: она ведь давно собиралась расспросить приёмную матушку о добром лекаре. Его визиты, хоть и редкие, но стали привычным и радостным событием, но только сейчас она задалась вопросом: отчего это Аслан-бея пропускают в гарем беспрепятственно, когда, по напыщенному выражению одного из поэтов, «Будь солнце мужского рода – и его не пустили бы в Сераль!» И впрямь, из мужчин здесь мог находиться только сам султан и его возможные отпрыски мужского пола. Случись какое-то страшное событие – нападение, пожар, потоп – даже тогда стражники или спасатели могли пересечь Ворота наслаждений лишь с наложенной на глаза повязкой из вуали, которая затрудняла обзор. Слуги, которые носили дрова на кухню и в бани, торговцы, вызванные

к главной экономке, даже приходящий время от времени к валиде звездочёт – все при входе в гаремный двор надевали жёсткий воротник особой конструкции, принуждающий задирать голову и смотреть только вверх, до той поры, пока их не проводят к нужному месту те же евнухи. Дабы даже краем глаза не усмотрели прелестей, принадлежащих лишь султану, Солнцу Вселенной.

А вот уважаемый Ходжа Атауххал Аслан-бей имел свободный доступ в святая святых. И навещал не только госпожу валиде, охочую до новых знаний в науках разного рода, в том числе и в медицине. И не только беременных икбал. Любая наставница-десятница могла к нему подойти с просьбой помочь девушке, находящейся под её попечением, если та вдруг занемогла.

– Не знаешь? – повторила Мэг. – Да ведь он... – Никак она не могла привыкнуть, что здесь с девочками можно говорить обо всём, о чём на её родине вслух упоминать не принято. – Он же немощен... ну, как мужчина, понимаешь? Ещё в детстве переболел заушницей, а она вон как потом сказала. Для мальчиков эта болезнь опасна. Вроде и телом силён, и на лицо свеж, а с женщиной – бессилен. Он потому и холост до сих пор, и гарем не заводил – нужды нет. – Нянюшка вздохнула. – Вот уж, прости Господи, кому-то с избытком даётся, а у других отнимается... Потому-то ему сам султан и доверяет. А уж после глаза-то...

Ирис торопливо прикрыла ей рот ладонью и обернулась.

Никого. Хвала Аллаху! О волшебном Оке Хромца разговаривать запрещалось под страхом смерти.

– Молчу, молчу... – Мэг покивала. – Так-то вот. Жаль эфенди Аслан-бея. Хороший человек, да не дал бог наследников, один только племянник, да и тот далече. Тяжко в старости-то одному оставаться... Ох, да что это я разболталась, а время идёт! Ты иди, детка, иди. Ведь, поди, тишком убежала, как бы тебе из-за меня не досталось.

– Те-ебе точно лу-учше?

– Сама видишь, даже не перхаю. И горло не точит. Хоть работы тут больше, чем в парных, спину вот ломит, зато сухо. Вот и табиб тоже говорил – мне лучше подальше от воды-то... Ну, беги. И вот что...

Мэг прикусила губу.

– Больше не носи мне ничего, – шепнула, уже готовая расплакаться. – Ты молодая, растёшь, танцам учишься... Сама рассказывала, как вас гоняют. Тебе силы нужны. Не смей мне ничего таскать, слышишь? Я ещё продержусь, сколько надо!

Её девочка только заулыбалась и дала поцеловать себя в лоб. Запрещать ей было бесполезно. Сунутый назад персик она потихоньку опустила в нянин карман. Помахала ладошкой. И умчалась назад, в предбанник, где уже поджидала её наверняка разгневанная Айлин.

К превеликому её облегчению, «луннолика», казалось, не заметила её отлучки. Она о чём-то переговаривалась с Иви, хмурясь и озабоченно постукивая розово-красными

ногтями по сиденью мраморной скамьи. Бросила на прибежавшую странный взгляд.

– Впредь не задерживайся, – только и сказала. – Иви, проводи нас.

И сама скинула верхнее платье, оставшись в прозрачной длинной рубаше до пят, сквозь которую так и просвечивало сочное полное тело, способное совратить, пожалуй, даже святого Иону. Ирис же пришлось раздеться полностью, ибо в хаммаме одетой делать нечего. Но к собственной наготе она давно привыкла. Хоть евнухи и массажисты смущали её до сих пор. Пусть они и не мужчины, пусть без главных частей тела... но то, как они иногда оценивающе на неё поглядывали, коробило. Это оттого, поясняла им Наставница, что часть из этих ничтожных огрызков была оскоплена в зрелом возрасте, когда мужчина познал уже не одну и не двух женщин. Таким, если хочешь отбить вожделение, проще сразу отрезать дурную голову. А вот мальчики, лишённые естества в нежном возрасте, так и не поняли, чего не успели испытать, а потому – чужды соблазнов. Но настоящая одалиска одинаково безразлична и к тем недо-мужчинам, и к другим. Они для них даже не слуги, так – куклы у стен. Подай, принеси, пошёл вон, а больше от него и не нужно.

Стараясь не смотреть по сторонам, девушка поторопилась вслед за ханум, заглядевшись на новую наставницу, невольно подражая её походке – плавно покачивая бедрами, ступая легко и невесомо, будто паря над мраморным полом, и да-

же однажды также непринуждённо встряхнула головой, когда «лунолика» освободилась от нескольких лишних заколок в причёске. Сейчас она взирала на учительницу с немым восторгом, ощущая даже некое благоговение. Пока не наступила пора окриков и муштры, Ирис вдруг увидела перед собой этакую языческую богиню, свободную, прекрасную, которой хотелось поклоняться, настолько она была...

Да. Прекрасна.

И, наверное, это осознавала не только маленькая рыжая девчонка. Ибо прекрасные девы, занявшие к тому времени облюбованные места кто на массажных столах, кто у бассейна, невольно провожали взглядом эту прекрасную пару: одну – в расцвете мастерства и женственности, и другую, похожую на тонкий бледный росток, тянущийся к солнцу – но таивший в себе все признаки грядущей красоты.

И даже валиде из своего тайного чертога, куда не раз водила сына посмотреть на своих гурий в их первозданном виде – и та не удержалась, одобрительно кивнув. А потом отыскала взглядом новую фаворитку сына, Гюнез, не подозревающую, что за ней наблюдают, и скривившуюся в этот момент, словно от цельного лимона без кожуры... и насторожилась.

Сдвинула брови, словно желая что-то понять.

Тень задумчивости пробежала по лицу монгольского божка.

– Капа-агасы ко мне, – не оборачиваясь, приказала служанке. – Не сейчас, после шербета. – И добавила, уже для

себя: – Очень интересно...

– Будешь являться сюда каждое утро, – строго повторила Айлин-ханум. – И до тех пор, пока я не скажу, что достаточно; а случится это не скоро. Тебе нужно нарастить определённые мышцы. Глядишь, и грудь, и бёдра подправим, сколько сможем. Понравился тебе Али?

Ирис только плечами пожала. Впрочем, что уж душой кривить – понравился. Разумеется, речь шла не о самом массажисте, а о его чудесном искусстве. До этого ей нечасто приходилось испытывать на себе прелести силового массажа, лишь расслабляющую часть, которая, надо сказать, не особенно ей нравилась. Девушка никак не могла понять, отчего это некоторые одалиски под руками чернокожих рабов, специально обученных искусству растирания и умащивания тела, начинают прерывисто дышать и даже постанывать. Вернее, догадывалась, но... умом не принимала. Ну, погладили как-то приятно, и что? Когда ей казалось, что руки евнуха-массажиста слишком уж вольно себя ведут на её теле, она нетерпеливо отдёргивалась, а пару раз, случайно дёрнувшись, заехала одному пяткой в живот. Должно быть, болезненно, потому что больше *особых* приёмов к ней не применяли. А однажды она уловила обострённым от природы слухом, как одна из кальф шепнула другой: «Совсем нет чув-

ственности. Безнадёжна. Нечего на неё время переводить».

С Али всё было иначе. Он начинал с лёгонького поглаживания, разминания пальцев, ступней, икр, затем, поднимаясь к бёдрам и ягодицам, переходил к более жёстким движениям... но и только. Никакой интимности. Под его руками Ирис ощущала себя тестом, которое не безжалостно, не равнодушно, но трудолюбиво вымешивали, хлестали, лупили, вертели в руках, формируя то, что нужно повару, но только не девушку на ложе страсти, каковую пытались из неё вылепить другие. Да, Али не шутил и не заигрывал, его сильные руки действовали порой жёстко. Но отчего-то вместо боли приходила волна бодрящего жара; незримые иглы, со вчерашнего дня засевшие в икрах и пятках, растворялись и исчезали, тело становилось мягким, более гибким. Каждая жилочка, каждая мышца напитывалась силой. Ей казалось: отстранись Али, перестань придерживать её чёрными могучими руками – и она взлетит прямо под купол хаммама, туда, где мерцало сквозь пар множество запотевших окон.

Удовольствие. Впервые она получила удовольствие от массажа. И плевать ей на отсутствие какой-то там чувственности; то, что она испытывала сейчас, наверняка, стократ лучше. Даже если ради этого пришлось вчера трудиться до умопомрачения. И сегодня придётся.

– ...Не слышу! – Айлин повысила голос. – Итак: Али тебе понравился?

– Да-а.

Ирис отозвалась нехотя, но не из-за того, что не желала признаваться; просто мешала навалившаяся вдруг сладкая истома. Последние три года под бдительным оком наставниц девушке нечасто выпадало побыть почти в одиночестве, и теперь ей невольно хотелось растянуть восхитительные минуты покоя.

– То-то же...

Ханум с удовлетворением окинула взглядом гигантскую чёрную фигуру массажиста. Ручищи-то, ручищи... не то, что у изнеженных гаремных скопцов! И что в них, безбородых и тонкоголосых, находят бесящиеся с жиру и от скуки наложницы? Вот же он, прямо перед ней, превосходный образчик мужчины. И неважно, что не совсем целый. Ради такого можно и постараться...

Не так давно они с валиде Гизем полушутя-полусерьёзно поспорили, сможет ли «лунолика» за год обнаружить и взрастить в Серале хотя бы одну звезду танца, не превосходящую, но хотя бы близкую по мастерству самой Айлин. Если удастся – она вправе затребовать любую плату, в пределах возможностей её царственной подруги, конечно. А нет – весь последующий год отработает даром.

Проигрыш не пугал, поскольку дело своё Айлин любила, нищеты же не опасалась. Ибо, в своё время, отбив в качестве икбал самого Тамерлана почти год, но так и не забеременев, была с почтением и благодарностью выдана замуж за пожилого визиря, первого помощника Хромца. Ставши

через несколько лет вдовой, она довольно скоро стала тяготиться вынужденными бездельем и одиночеством, а потому приняла с воодушевлением предложение валиде побыть год-другой Наставницей молоденьких наложниц. Не денег ради, в которых не нуждалась, а от жажды деятельности. Тем более что была она теперь женщиной свободной, и, что уж греха таить, хотелось разгуляться там, где много лет жила никем и в полном подчинении...

А что же Али?

Он станет её заслуженным призом. Потому что спор у валиде она выиграет, это уж безусловно. Хаммам не обеднеет, таких мастеров здесь несколько десятков... Но лишь она одна знает о тайных достоинствах чернокожего раба и может оценить их должным образом.

Сейчас же, решив воспользоваться случаем, она беззлобно шикнула на Ирис, заставив перелечь на ближайшую скамью для отдыха, а сама, скинув без стеснения рубаху, улеглась на массажный стол.

– Ноги, Али. Пока больше ничего. А ты пока отдыхай, Кекем.

Вот так вот. У танцовщиц свои маленькие секреты, порой не совсем приятные. К вечеру у луноликой частенько ломило ступни, в своё время заработавшие куда больше ударов по пяткам, нежели она сама назначала нынче ученицам. Ничего, девочки потерпят. Зато наиболее способные рано или поздно дотанцуют до заветной цели. Как вот эта рыжая, ко-

торая молчит-то молчит, но вовсе не из-за косноязычья или по глупости, глаза-то умненькие, характер, чувствуется, железный... Эта Кекем ещё всем нос утрёт.

Да, кстати, о рыжих...

– А ведь вы с ней похожи, – заметила как бы невзначай.

Ирис, едва не сомлевшая от сладкой неги, не сразу поняла, кого имеет в виду Наставница.

– Я про этот Цветочек, чтоб ей процветать вечно, – проворчала Айлин. – Про Гизем.

– В-все рыжи-жие похожи, – помедлив, ответила ученица.

– Откуда ты знаешь? Много ты тут таких, как сама, видела, а? В том-то дело. За всех не скажу, не знаю, но вот в Нижнем гареме я пока ни одной рыжей головы не заметила. Так ведь, Али?

Белозубый гигант серьёзно кивнул. Ему бы не знать! Он тут всех навиделся, и уж огненную шевелюру на фоне остальных разглядел бы.

– Только две. Она и... она. – Ткнул пальцем куда-то по направлению к большому фонтану в центре зала, где, судя по всему, фаворитка уже наслаждалась отдыхом после парной. – Вчера прибыли новенькие, среди них тоже нет огненноволосых.

Ханум прикрыла веки, задумалась. Случай, конечно, интересный... Давнишняя привычка выживания в Серале: ничего не упускай из виду, любая мелочь может пригодиться! А тут очень даже не мелочь. Великому султану, разумеется,

поставляют всё лучшее, в том числе и рабынь, среди которых рыжие, да ещё с белоснежной кожей, да ещё отличающиеся темпераментом, считаются лакомством для тонкого ценителя женской красоты. Этаким изысканным экзотическим фруктом, редко встречающимся в царство черноволосых перри. Но даже такие жемчужины время от времени выставляются на торгах; разумеется, не задёшево, но в такие моменты истинный капа-агасы о цене не думает. Почему до сих пор он не приобрёл для гарема никого, кроме Цветочка, что б у неё язык раздвоился, у лживой гадюки?.. Странно. Это всё равно, что, зная вкусы хозяина, упорно проходить мимо любимейшего им фрукта или деликатеса на рынке.

Надо поговорить об этом с валиде. Позже. Чтобы не особо выставлять на общее обозрение их хорошее знакомство.

– И вот что, девочка. – Айлин открыла глаза, не позволяя себе задремать, поскольку впереди ещё предстояли занятия. – Хочу тебя предупредить...

Ирис насторожилась.

Ханум благожелательно махнула рукой.

– Это касается нашей работы. Не удивляйся, что я её так называю, ты уже поняла, что труд танцовщицы – настоящей, конечно – ничуть не легче труда рабов на галерах. Он лишь преподносится в красивой шёлковой обёртке, пропитанной мускусом. На самом-то деле всё может обернуться не так, как ты, должно быть, в своих мечтах себе рисуешь. Ты ведь обучаешься всему, что должна знать настоящая одалиска?

Ещё не понимая, к чему ведёт «лунолика», девушка кивнула.

– И мастерству доставлять наслаждение мужчине тебя тоже учили? Подозреваю, ты краснеешь не из-за скромности, а от стыда, ибо, скорее всего, из-за твоего природного недостатка с тобой работали не слишком усердно. Так? Кивни. Понятно.

Ирис сжалась от дурного предчувствия.

– Видишь ли, детка, – медленно проговорила Айлин. – Иной раз танцовщицу дарят не в жёны, а просто на ночь. Гяурам, например. Неверным. Которые недостойны правоверных дев, либо достойны, но женаты, а их вера запрещает им вторых жён, и, уж тем более, наложниц... Но так случается. Допустим, надо задобрить нужного нашему повелителю человека, скрасить ему вечер и... согреть ложе. Тогда на следующий день важные переговоры пройдут для солнцеликого удачно, и в этом будет именно твоя заслуга. А не сумеешь ублажить того, кому предназначена во временный подарок – тебя ждёт наказание. Так, Али?

– В мешок и в Босфор, – лаконично ответил негр, втирая последние капли драгоценного имбирно-миррового масла в ступни танцовщицы. Та зажмурилась от удовольствия.

– Не пугайся, Кекем, это редко случается. Я имею в виду – мешок. В основном, Серальские девы хорошо знают своё дело и умеют угодить мужчине. Поэтому будь готова ко всему и почаще задавай вопросы своим подругам, ибо, как я по-

гляжу, они у тебя науку страсти постигали с куда большим усердием, чем ты. Я ещё поговорю с табибом о твоей шуплости, и вообще – о здоровье, но ты всегда держи в уме: телосложение не должно стать помехой чувственности. Обучайся. Иначе...

Рывком села, стряхивая остатки неги. В упор глянула на ученицу. А девчонка-то, похоже, расстроилась, но не куксится, молодец.

– Может, того, о чём я говорю, никогда не произойдёт. А может, это случится и завтра. Так что – старайся сегодня. Ты ведь даже испытаний не проходила? Так добери своё хотя бы из болтовни с подругами. – Сунула ноги в деревянные башмачки с высокими подошвами. Дабы умашенные во время массажа ступни не скользили по мраморным плитам, в хаммаме водилась специальная обувь. – И помни: твоя жизнь, твоё благополучие, твоё будущее – в твоих руках, хоть ты трижды рабыня. Только рок может помешать, только воля свыше. А во всём остальном – ты в состоянии выкрутиться. Хоть иногда может быть и противно. Поняла?

Заглянула сверху вниз в широко раскрытые зелёные в крапинку глаза. Испуганные и... понимающие. Проняло.

Ирис медленно кивнула.

В груди у неё ворочался неприятный холодный ком.

– По-ня-ла, – сказала почти правильно.

– Вот и умница. – Наставница неожиданно подмигнула.

Добавила шёпотом: – За всё надо платить, а за свободу – осо-

бенно.

И пошла себе к бассейну, умудряясь даже в деревянной обуви сохранять грацию и изящество.

Али перевёл взгляд на опущенную рыжекудрую голову.

Да, косноязычие – несомненный порок для одалиски, и понятно, отчего с ней особо не возились, иначе сейчас всё услышанное не стало бы для неё... ударом?

Могучий евнух был ещё не стар, но и не юнец, и повидал на своём веку немало простушек и распутниц, скромниц и девушек весьма смелого поведения. Эта... была скромницей. Но не простушкой. Сидела смурная, ведь явно, то, что услышала, ей не понравилось: но не бесилась и не рыдала, а думала, думала... Али такие нравились. Они заслуживали того, чтобы он потратил на них толику своего опыта.

Пожалуй, он и эту научит кое-чему. Не только для массажа привела её Айлин-ханум именно к нему. Умный негр без объяснений понял, что требуется от него нечто большее, чем просто разминание девичьих мышц, натруженных в танцах.

Её тело было сейчас абсолютно спящим. Девушки-северянки бывают и впрямь холодны, но и их можно пробудить. Они дольше разгораются, но уж потом, охваченные страстью, опалают ею и мужчину. Он пробудит в ней не чувственность, но чувствительность, а далее – природа сама делает своё дело.

И надо будет непременно обучить её массажу. Не такому, каким сам занимается, это занятие не для хрупких ручек. А

вот пальцы у неё сильные, и, нежно воздействуя на особые точки, смогут довести мужчину до безумия. Или погрузить в сладостный сон, если женщине не захочется почему-то предаваться любовной игре...

Айлин-ханум права: даже раб иногда может сказать: «Всё – в моих руках».

«Всё в моих руках», – думала Ирис, в который раз воздевая к небесам эти самые руки, отягощённые «пыточными» браслетами. «И в ногах», – добавляла с горькой иронией, получая от наставницы полновесную оплеуху и, не удержавшись, плюхаясь на доски танцевального помоста. Ноги тоже бунтовали против кандалов. Казалось, и пятки, и косточки плюсны, и фаланги пальцев размякли настолько, что ступни сминались и отказывались служить твёрдой опорой телу. О-о, испытания вчерашнего дня по сравнению с этим бедствием казались безобидной разминкой!

– Вставай, – малость остыв, командовала Айлин. – Помни правило: танцевать до конца. Упала? Всё бывает. Но падай так, чтобы те, кто на тебя смотрят, подумали, что так и надо. Падай красиво. И поднимайся красиво, томно изогнувшись, не скрывая страдания, напротив – чуть переигрывай, чтобы спрятать настоящую боль, а она будет, как без неё. Если надо – пусти слезу, но тоже красиво. Вставай, Кекем... Не криви

губы, будто у тебя зубы болят, улыбайся естественней! Молодец. Вставай же!

– Помни, никому нет дела, о чём ты думаешь и что испытываешь, – так говорила Айлин. – Повелитель при тебе может заниматься любовью с девами, потом может их же наказывать, они станут, разумеется, рыдать и умолять о пощаде – а тебе придётся всё это слушать, потому что воск в ушах лишь приглушает, но не перекрывает звуки. Слышать, улыбаться и продолжать танцевать с закрытыми глазами, иначе тебе эти глаза выжгут, если заподозрят, что ты видела запретное. Ты – кукла, которую запустили танцевать, и поэтому должна лишь танцевать, что бы рядом ни творилось. И при этом оставаться счастливой и незнающей.

– Помни, недеяние иногда бывает спасительным, хоть потом у тебя разорвётся сердце от собственного показного равнодушия. Но я насмотрелась, девочка, насмотрелась тут всего. Если ты видишь страдания, трижды подумай, прежде чем кидаться на помощь. Первый раз подумай – много ли ты делаешь, ты, полное ничтожество? Второй – не будет ли от тебя больше помощи позже, от живой и ненаказанной? Третий – заслуживает ли тот, за которого ты вступаешься, помощи вообще? Вы, рыжие, непредсказуемы, порывисты, и часто не просчитываете последствий своих поступков. Танец поможет тебе воспитать себя, обуздать, научит заглядывать вперёд на много шагов. В нём своя мудрость, открывающаяся только избранным...

– Думаешь, зачем я тебе это говорю? Потому что ты одна из тех, для кого танец – это жизнь и свобода. Настоящая и будущая. Вставай, Кекем. Ты можешь.

...Когда тень от солнечных часов в гаремном саду достигла выложенной из цветной гальки арабской цифры «3», наставница, наконец, сжалилась. Отправила Кекем снова в хаммам, смывать пот, налипшую от падений пыль и сухую траву, обработать ссадины и растяжки. Та заснула прямо на массажном столе. Но когда её разбудили, потянувшись, приподнялась почти без боли в мышцах, чем заслужила удивлённые взгляды.

– Смотри-ка, Али, да ты творишь чудеса, – нервно рассмеялась Айлин, поражённая до глубины души. – Она даже не ойкнула, вставая. А я ведь нарочно её сегодня загоняла, чтобы проверить на выносливость, думала, живого места на ней не останется. Ничего, завтра уже легче будет... Да она и впрямь свежа, как молоденькая оранжевая тыковка!

Довольно засмеявшись, двинула в бок черного массажиста. Тот лишь покачал головой.

– Здесь помогло не только моё искусство, ханум. Похоже, у юной госпожи... врождённый скрытый запас сил. Так бывает. Сейчас он раскрылся. Не нагружай её чрезмерно раньше времени, резерв не беспределен. Иначе она в считанные дни растратит всё, что было накоплено за предыдущую жизнь.

И оба посмотрели на Ирис оценивающе.

Та смущённо заёрзала на топчане, поискала глазами, чем

бы прикрыться. Али, согнувшись в почтительном поклоне, протянул ей лёгкое шёлковое покрывало. И это уважение, промелькнувшее в глазах, и изменившаяся манера поведения нубийца были отчего-то приятны. Может, потому, что искренни?

За несколько сегодняшних часов она узнала больше, чем за пять последних лет. И наслушалась от Айлин такого, что вспоминать тошно. В сущности, ей и без того было известно, что жизнь в гареме не сахар, что девушки порой не останавливаются ни перед чем, лишь бы спихнуть соперниц по дороге на собственный пьедестал, и чем выше ранг фаворитки, тем жёстче её пощёчины и удары исподтишка. Да что там, всё ещё помнилась хасеки Айше, отравившая мать Ирис и не пожалевшая при этом даже новорожденных детей. Память об этих жутких событиях сводила на нет попытку наставниц убедить девушек, что можно и нужно жить в добре и согласии, не ревнуя и не строя козни, а все силы души и любви, полагающейся женщине, изливать на всеми ими любимого султана и повелителя, да живёт он вечно. Иногда Ирис, вспоминая почти обезглавленный труп Айше, ещё не рухнувший, стоящий в последнем усилии уже мёртвых ног, испытывала к ней нечто вроде жалости, но потом... Потом накатывали гнев и возмущение. Ибо в её понимании хасеки-султан всего лишь получила то, что заслуживала. Ведь не любовь к Баязеду двигала отравительницей, когда она обрекла на смерть мать и беспомощных младенцев, а жажда быть выше и мо-

гущественней.

Да, теперь Ирис понимала, что означали слова Айлин: заслуживает ли тот, за кого ты вступаешься, помощи вообще?

Она, не задумываясь, бросилась бы на выручку младших братьев и сестёр, хоть и рождённых не её матерью, а другой женщиной. Но пообещай ей золотые горы – и пальцем не двинула бы, хоть скажи ей: только пожелай – и Айше останется жива. Нет. Ни за что.

И после этих тяжёлых, в который раз хватающих за горло воспоминаний, уважительный поклон Али был для неё глотком свежего воздуха.

– Теперь бассейн! – хлопнув в ладоши, распорядилась «лунолика». – Шербет. Плавать. Опять шербет. Отдыхать. И только потом – обед, тебе двойной, девочка. Заслужила.

Пока наставница, воспользовавшись тем, что в этот час в огромном мраморном водоёме почти никого не было, ныряла и наслаждалась тёплой водой, чернокожий массажист подсел рядом с Ирис-Кекем и о чём-то негромко начал ей рассказывать. Сперва она слушала с безразличием, затем на её личике промелькнуло удивление и даже недоверие. И, наконец, зелёные в жёлтую крапинку глаза распахнулись с интересом. Ирис внимала. Она умела слушать. Умела и любила вбирать в себя новое и интересное. Она впитывала знания, как губка.

Единственное, о чём она часто жалела – что из-за своего приобретённого недостатка не могла ни с кем поделиться

узнанным.

...Обед им принесли уже в общий зал гарема, в их уголок на десять человек. Распоряжение Айлин-ханум приняли к сведению, и теперь её воспитаннице досталась двойная порция пилава с бараниной, курагой и изюмом, дополнительная миска наваристого супа, гора рулетиков из тонкого лаваша с овечьим сыром и зеленью, чашка фруктового йогурта и целое блюдо очищенных фиг. Ирис лишь широко открыла глаза, чувствуя, как рот наполняется слюной. Похоже, ей выдали сразу и пропущенный завтрак, и двойной обед и... что-то сверху? Пока её соседки подшучивали, сколько еды может влезть в такую тощую девчонку без всяких для неё последствий, она украдкой покосилась на Луноликую.

Та довольно кивнула.

Слухи, как водится, разносятся быстро. Значит, то, что заика Кекем – новая и перспективная ученица самой подруги валиде, стало известно и на кухне. Вот и ладно. Давно пора подкормить эту худышку, глядишь, и грудь начнёт расти... Да разузнать, к кому она убежала в банях с персиком в кармане. Если к родственнице – подумать и о той, а то ведь эта рыжая упрямица от себя кусок оторвёт, а голодающей принесёт. Хоть кол на голове теши, всё одно – влезет со своей помощью, по глазам видно. Ну, ничего. Ученье всегда идёт на пользу, не сейчас, так позже...

В уголке алькова тихонько поскуливали две девы, не сдавшие сегодня испытаний на одалисок. Уже наказанные, отчи-

таннные Нухой-ханум и оставленные без обеда и ужина. Явно часть инжирин перекочет после ухода Айлин в уголок для провинившихся, но, даже если кто и наябедничает – главной смотрительнице придётся сей факт проглотить и зажевать собственным самомнением. Она, Айлин, вольная танцовщица, почтенная вдова, приглашённая самой валиде, и вправе оставлять девочкам угощение.

И у Луноликой были когда-то в Серале подруги. Несмотря на жёсткость и цинизм, взращенные в себе с годами, хотелось думать, что есть в этом мире место и доброте. Особенно когда она ничего не стоит, а ценится так дорого...

Она ещё успела погрозить Кекем пальцем и заставить съесть всё до крошки. Слишком уж голодно блестили у той глаза. Судя по задумчивому виду, с которым, отдуваясь, девочка приканчивала чашку йогурта, часть вечерней трапезы всё же будет утаена и снесена... снова в хаммам? Надо поговорить с Нухой: кто там у неё, всё-таки? Хорошо, если мать или сестра, или ещё какая родственница или подруга; а если евнух или приходящий работник – пресечь немедленно. Впрочем, что зря раньше времени себя распалать?

Айлин не любила откладывать дела на «потом». И не удивительно, что, после короткого разговора с главной смотрительницей у неё состоялась куда более длинная беседа с красноволосой когда-то Мэг. После этого разговора дотошной вдове стало многое понятно, как и то, что осталось в прошлом её новой «бабочки» обширное тёмное пятно, сквозь

которое ей нипочём не позволят взглянуть. Что-то там, в прошлом матери и дочери, скрывалось такое, отчего на лицо Мэгги Северянки ложилась тень замкнутости и тайного страха.

Айлин-ханум была терпеливой. И понимала, что о страшных семейных тайнах не рассказывают первым встречным, хоть и благодетельницам. Она подождёт.

А пока что заглянет к валиде Гизем, как и обещала. Сегодняшние разговоры о рыжих ещё не окончены.

...Вечером всех «младшеньких» и не готовых пока предстать перед ликом светлейшего султана, спровадили в сад, в отдалённый уголок, чтобы не попались на глаза Величайшему, буде тому вздумается пройтись среди тенистых деревьев с какой-нибудь пери, полюбоваться розами и павлинами и вкусить сладостей на зелёной лужайке, овеваемой не опахалами арапов, но нежнейшим ветерком с Босфора. В Большом гаремном зале остались избранные. И новенькие одалиски, удостоенные великой чести *предстать*. Гарем лихо-радило.

В который раз пересматривались наряды, укладывались или вроде бы небрежно рассыпались кудри, деликатнейшим образом, чтобы практически не было заметно краски, сурьмились брови и ресницы. Возжигались курильницы, но только с одним видом благовония: сегодня была середина недели, день жасмина. Но курильниц ставилось не более одной в каждом из двух отделений-эркеров, чтобы аромат не накап-

ливался до удушливого. Духами на смотринах пользоваться не разрешали: повелитель не любил слишком уж буйного разгула ароматов, а когда под одной крышей собирается не менее полусотни надушенных красавиц – этого не избежать. Надевались лучшие серьги и звончайшие браслеты, тонкие щиколотки украшались цепочками, доставались шали и прозрачайшие ткани, вроде бы и облегающие тонкие станы и полные груди, но в то же время ничего не скрывающие. Горели глаза. Пылали щёки, не нуждающиеся в румянах. Всё вокруг жило лихорадочным ожиданием.

Одна Марджина была спокойна, как стойкий воин своего племени. Она вышла на охоту во всеоружии и теперь не торопилась выложиться в броске, который мог стать первым и последним. К зверю нужно было присмотреться. Изучить вблизи. Почувствовать его запах – а, значит, вдохнуть частичку его самого. Самой же остаться пока незамеченной.

Поэтому... она и ухом не повела, когда её едва ли не нагло оттеснила из первого ряда наложниц одна из наиболее шустрых дев, метящих в икбал. Марджина знала: всё равно кальян, предназначенный для величайшего султана, возжечь и преподнести будет поручено ей. Так распорядилась валиде

Прежде, чем подсоединить верхнюю часть кальяна, она опустила в колбу несколько кубиков льда из замороженного крепкого настоя лимонной и перечной мяты. А в табачную смесь добавила три щепотки смеси степных трав – чабреца, ковыли и полыни. Этой хитрости научила её валиде-султан, а

секрет замороженных кубиков поведаль один умелец, с которым нубийка расплатилась за науку двумя золотыми кольцами. Краем глаза она заметила, что Великий, с удовольствием расположившийся на широком низком диване в окружении своих пери и подушек, наблюдает за её манипуляциями. Пожалуй, его заинтересовали не только новые ингредиенты в табаке, но и сама девушка, казалось, не испытывающая к нему, великому, ни страха, вполне естественного, ни ещё более естественного желания понравиться. Все девы так и увивались вокруг него, великого Хромца. Эта же вела себя, как королева. И в почтении, с которым преподнесла ему мундштук, сквозило не более уважения или любви, чем, допустим, к пожилому отцу. Что ж, пожалуй, такая игра... забавляла. Равнодушных к нему здесь быть не могло, а, значит, девушка искусно притворялась.

Усмехнувшись, Хромец протянул ей мундштук – раскурить. Обычно он не доверял этой привилегии никому, но... хотел посмотреть, что из этого выйдет. И не пожалел. Не торопясь, чернокожая красавица под села рядом, и, пока втягивала в себя дым, её щёки слегка западали, подчёркивая красивые скулы, высокие, как у самого чингизида. Дым приятно контрастировал с чёрной атласной кожей и навевал воспоминания о молодости: о бескрайних степях, табунах диких кобылиц, необузданных, как, наверняка, и эта гордячка, если сбросит с себя личину бесстрастного идола...

Вместо не совсем желанного в душный вечер согревания,

дым, пропитанный ароматом диких трав, обволок горло приятным холодком. В этом и заключался секрет ледяных кубиков, добавленных в фарфоровую ёмкость с водой. Тамерлан удивлённо приподнял бровь. Одобрительно кивнул. И протянул второй мундштук чернокожей красавице.

На ложе он в эту ночь выбрал другую. Ту, что до этого нахально отпихнула нубийку; он ведь всё заметил единственным живым оком. Выбрал интереса ради, поглядеть, как на это среагирует чернокожая гордячка. У той не дрогнул на лице ни один мускул. Что ж, решил Хромец, посмотрим, что будет дальше...

Уходя, он бросил на ту, что его заинтриговала, пристальный взгляд, и в единственном его живом глазу вспыхнула искра.

Глава 3

– Ты не зашёл ко мне сразу.

Эти слова прочнее якорных крюков пригвоздили капа-агасы – главу белых евнухов – к узорчатому ковру в покоех матери Великого султана.

Гневливый голос хозяйки покоев отразился от фарфоровых стенных изразцов с причудливой вязью арабского орнамента, от купола парадного приёмного зала, и зазвенел в ушах злополучного капа-агасы той самой иерихонской трубой, которой так опасаются услышать христиане. А ведь предстоящий разговор мог и впрямь оказаться для Махмуд-бека крушением всех, казалось бы, непоколебимых бастионов его карьеры, выстраиваемых любовно год за годом, кирпичик за кирпичиком. Крахом. Апокалипсисом.

Память у валиде-султан была отменная и злая, и то, что в назначенный час глава белых евнухов так и не явился на её зов, она запомнила хорошо. Приступ малярии, сваливший провинившегося, проступка не умалял, поскольку вышколенный слуга должен помнить о своих обязанностях всегда и приползти по первому зову, даже умирая. Плевать, что госпожа до трясушки боится заразы! Мог бы прислать мальчика с извинениями и подарками. Она бы их не приняла, из-за тех же опасений заразиться, но традиции, на соблюдении

которых валиде настаивала, были бы соблюдены.

Поэтому даже то, что по своему влиянию и полномочиям главный евнух занимал при Дворце Наслаждений примерно такую же ступень, как первый министр какого-нибудь короля в неверной Европе, на снисхождение он не рассчитывал, слишком хорошо осознавая свою вину. И не только ту, за которую сейчас получал выволочку от валиде. Давно уже носил он в сердце груз тяжкого преступления, и нечистая совесть не давала ему покоя с той самой поры, как повелитель призвал на ложе прекрасную Гюнез, новую рыжекудрую звезду гарема...

Потому и прошиб его холодный пот, когда, две недели назад, примчался мальчик-посыльный с требованием Сиятельной зайти к ней после утреннего шербета. Случай, когда матери-султанше взбрело в голову переговорить с гаремным министром помимо обычного ежеутреннего доклада, можно было пересчитать по пальцам, и ни один из них ещё не заканчивался для Махмуда благополучно. Уж сколько раз клял он себя за проклятое тщеславие, толкающее порой на действия, не вполне совместимые с обликом истинного правоверного мужа, иначе говоря – на хитрости и подкупы, клевету и зряшные посулы, наушничанье, а иногда и кое-что посерьёзнее. Дорога к сияющей вершине давалась нелегко, но ведь капа-агасы отнюдь не святой, каяться не привык, а потому – ничего у него не свербело под ложечкой, и спал он до поры, до времени, спокойно, не отягощённый муками сове-

сти, и никогда не являлся ему в кошмарах призрак предшественника, зарубленного янычарами при взятии дворца Топ-Капы. Ибо нельзя стыдиться, будучи охваченным благородным стремлением исполнять свой священный долг: служить господину! А служение тем полнее, чем выше твои возможности. Всё правильно. Вознестись над толпой нужно для того, чтобы затем отдавать себя полностью воле и желаниям Великого Султана.

Но с недавних пор его стройная, сказать лучше – безупречная система жизненных устоев пошатнулась. Он сам нанёс по ней удар, когда увидел на невольничьем рынке рыжекудрую варварку с прекрасной кожей, не попорченной веснушками, что удивительно, с колдовскими глазами... А оценивающий взгляд, отнюдь не стыдливый или испуганный, которым красавица буквально прощупывала будущих покупателей, заставляя многих проверять содержимое кошелька или пояса на предмет, хватит ли денег на столь яркую птичку... О, этот взгляд сразу дал понять прожженному интригану-евнуху, что перед ним не какая-нибудь скромница и пугливая лань, но хищница, которая, при соответствующем воспитании превратится в пушистую, с виду ласковую кошечку, но, цепляясь железными ядовитыми коготками, сумеет вскарабкаться по золотым ступенькам не просто на ложе Хромца, но и на спинку трона. Сердце кастрата дрогнуло впервые в жизни. Он узрел, наконец, смысл существования, мечту, к которой тянулся неосознанно долгие десятилетия:

свою фаворитку, свою будущую хасеки, а, возможно затем и валиде. Ставленницу. Он взрастит из неё достойную султаншу, свою опору и власть, а, возможно, и всемогущество, ибо нашёптывающий умной валиде умные мысли, заправляет уже не Сералем, но... Империей.

Не удивительно, что ещё там, у помоста, на котором невольниц заставляли демонстрировать свои прелести, он видел перед собой не совершенную грудь и тончайшую талию, не холмы ягодиц и пышную гриву, переливающуюся всеми оттенками охры, кармина и меди, а *грядущее*, от которого кружилась голова.

Покупкой этой невольницы он обеспечил себе блестящее будущее.

А заодно... вроде бы походя решил одну небольшую проблему, которая, на самом-то деле, беспокоила его давно, как заноза в заднице.

Вернее, думал, что решил. До тех пор, пока уважаемая Айлин-ханум, чтоб ей больше не найти себе достойного мужа и покровителя, не обратила внимания на рыжеволосую соплячку, веснушчатую, как воробьиное яйцо. О Аллах, что за блажь? Кто вообще видел конопатых танцовщиц? Но нет, Лунолика носилась с ней, как курица... тоже с яйцом, заставив заговорить о себе и своей ученице весь гарем. И теперь с каждым днём капа-агасы бледнел и худел от опасения, что рыжая мелочь, тощая, как скелет, место которой было где-нибудь на кухнях, а не в ногах Великого, хоть случайно,

но попадётся ему на глаза. А к тому шло. Пока она числилась просто выбракованной из-за своего недостатка одалиской, её не пускали на общие смотрины наложниц, но теперь она будет танцевать! Перед державными очами! Убрать же её незаметно уже не получится: пропажа ученицы самой подруги валиде не сойдёт с рук.

Эх, жаль, что он не сделал этого раньше... Впрочем, сетования ни к чему: сама валиде после смотрин велела учить девчонку танцам; а память у неё, как и у сына, была крепка. Она могла в любой момент вспомнить о маленькой нескладной Кекем, и поинтересоваться ею просто, чтобы узнать, как выполняются распоряжения. Поэтому давно уже над рыжей висел незримый статус неприкосновенности.

Но самое главное – о ней могла вспомнить не только Гизем-ханум.

И вроде бы Махмуд-бек решил застарелую проблему, но... способом, опять-таки недостойным честного слуги. Нарушил свой долг. Обманул, и кого? Господина всей Вселенной... О Аллах, только бы ему не попала на глаза эта худышка!

Ах, если бы она оказалась негодной танцовщицей! И что в ней нашла Лунолика?

Потому-то и затрясся Махмуд от вызова к султанше, как банановый лист, побиваемый градом, ибо теперь в каждом слове и жесте великих мира сего чувствовал изобличение... Но, догадливый, вывернулся и на этот раз: списал трясучку

на малярию и передал через мальчика, что нижайше и припадая к стопам, просит Солнцеликую его извинить, ибо вот только что, на глазах у всех, сражён приступом не опасной, но очень приставучей болезни, но явится, как только будет в состоянии ползти к Величайшей и Милостивой.

Использовал панический страх стареющей и молодящейся валиде перед любого рода болезнями.

И теперь дрожал ещё и по этой причине: что, если она раскусила нехитрый манёвр, и палач уже поджидает за узорчатыми дверьми её покоев? Сейчас его выведут во дворик, уткнут физиономией в клумбу, дабы не орошать нечистой кровью белые плиты, по которым ступает нога Великой Матери, а сама она будет смотреть из-за раззолоченной решётки окна, как взмахнёт ятаган и со свистом обрушится на его голую, такую тонкую шею. Она любит доводить задуманное до конца, их Госпожа.

... – Ты не зашёл ко мне сразу, – припечатала она, обрвав на полуслове приветствия Главного евнуха и гневно сведя брови. Как ни странно, Махмуд-бек понял, что спасён. Этот тон, тон показательного выговора, он хорошо отличал от другого, нарочито спокойного, которого следовало бояться всерьёз. О Аллах! Пусть его сейчас отчитают, пусть отлупят палками по пяткам, пусть лишат привилегий дегустировать еду на кухне и подносить валиде левую туфлю – но оставят в живых! И на его прекрасной должности! И...

– Я ещё подумаю о наказании. Впрочем, твоё стремление

не подвергать меня риску болезни похвально, и будет учитываться. Однако всё это время я вынуждена была ждать ответа на один-единственный вопрос...

Прекрасная даже в своей приближающейся, но пока ещё никак не настигшей старости, Гизем-ханум развернула свой знаменитый веер из пластин слоновой кости и глянула на своего «министра» поверх, остро и недобро, как будто хотела поймать ничтожного раба на чём-то преступном.

– Слушай меня, негодный, и не говори, что не понял. Почему среди одалисок моего сына, среди столь изумляющего количества дев со всех стран мира, нашлись только две рыжеволосые? Больше всего брюнеток, затем идут девушки каштановой масти, шатенки, русые, блондинки всех оттенков; и при таком богатстве – всего две рыжих? Нет даже крашенных, хоть давно уже в Италии и Франкии женщины умеют придавать своим волосам охряной и медный оттенок. Махмуд, при всём признании твоих несомненных достоинств – не понимаю такой странности. У тебя предубеждение к определённому цвету волос? Или ты временно слепнешь, когда выбираешь красавиц для Серая? А меж тем рыжими перихвастает половина визирей моего сына, и твоё счастье, что он пока не вызвал тебя для объяснений сам! И уж тогда – берегись, он не будет с тобой столь терпелив!

Главный евнух почувствовал, что его голова, вроде бы недавно надёжно прилепившаяся, вновь несколько отделяется от плеч. И пусть лишь в его воображении...

Спасаться.

Заматеревший в интригах хитрец рухнул в ноги хозяйки Сераля, умело подставив локти, дабы не ушибиться.

– Помилуй, владычица! О да, я пристрастен! Вели отрубить мне голову! Я слишком придирчив в выборе красавиц, но ничего не могу поделать... – Султанша поморщилась, подобрала полы кафтана, отодвигаясь на широком диване, и прыгнула пополз за её туфлями, глядя снизу вверх, преданно, как пёс. – Ну, кем, кем они хвастаются, о луноподобная? Кем? Хюррем из гарема Великого Визиря? Так она косоглазая, клянусь Всевышним, косоглазая, но наш Визирь помещан на женщинах с ведьмовской косинкой, он сам так говорит. Кто ещё? Амина, любимая наложница доблестного Мюрид-паши? Она косноязычна, хоть и совсем немного, но предпочитает молчать, а все знают, что молчащая женщина – золотая женщина, есть чему восторгаться! К тому же, она неуклюжа и стыдлива, как бессмертная девственница, и каждый раз в постели вопит и рыдает, будто её берут силой. Наш же доблестный паша, говорят, представляет себя в тот момент воином, насилующим девушку в захваченном городе, оттого-то ему и по нраву такая недотрога. Кем ещё похваляются? Синеглазой Сайрой, женой Главного Мудреца? Так у неё шесть пальцев на левой ноге, а люди невежественные называют лишний палец отметкой шайтана. Аллах с ними со всеми; но на самом деле их суеверие возникло не на пустом месте. Сей порок, как писал ещё великий Ибн Сина, указы-

вает на склонность к нездоровым страстям, при которых порой преданность к своему хозяину у женщин перерождается в безумную ревность. Нужно ли подобное огорчение нашему господину, вашему великому сыну?

Несколько заинтригованная, валиде откинулась на спинку дивана, пристроила ноги на оттоманку.

– Шестипалая, говоришь? Ты-то откуда знаешь?

– О, сияющая! – Капа-агасы возвёл очи к небесам, украдкой переводя дух. Верноподданнически поправил двумя пальчиками туфлю, готовую свалиться с левой ноги державной матери. – Как же мне не собирать слухи о жемчужинах в чужих раковинах, ведь я не должен прозевать среди них самую драгоценную! Я не вхож в чужие дома, но хорошо плачу слугам, а также торговцам, которые предпочитают сами рассказать о тайных изъянах девушек, выставляемых на продажу, ибо обман или сокрытие подобных сведений от меня, ничтожного, обойдутся им куда дороже, ежели их плутни раскроются здесь, во Дворце наслаждений. Поэтому-то за долгие годы я ещё ни разу не ошибся в выборе, о, пресветлая! Но порой лучше отказаться от дорогого и красивого приобретения с червоточиной, нежели навлечь на себя твой высочайший гнев, о, многомудрая!

– Хватит! – уже намного снисходительней, чем раньше, отозвалась валиде Гизем. – Я поняла. Отсутствие рыжих в Серале ты объясняешь своими завышенными требованиями к их достоинствам, из-за желания угодить моему венценос-

ному сыну. Так? Поднимайся. Я больше не гневаюсь. И расскажи мне о других наложницах паши. Они такие же, как ты говоришь, недотроги? И... что, он каждую берёт силой? Ах, проказник!

Вроде бы верховный гнев поутих, и разговор ушёл в совсем иную сторону. Великая женщина в минуты отдыха становилась и впрямь женщиной, и любила послушать о том, что творится вне её владений, особенно, если эти знания впоследствии можно было использовать с толком. Осведомителей у неё хватало, и не только здесь, в Серале; однако новости извне касались, в основном, политики, а вот подробностей интимного, так сказать, характера не хватало. А ведь именно их лучше всего использовать при манипулировании нужными или ненужными престолу людьми, сам Махмуд-бек давно уже усвоил эту нехитрую истину.

Капа-агасы совсем уж было успокоился, и счёл, что на сегодня мера его дневных страстей отмеряна с избытком, когда валиде, отпуская его, неожиданно жёстко сказала:

– Смотри, Махмуд, если ты что-то скрываешь от меня или от моего сына...

Посеревшему Главному евнуху мир показался с маленькую кошачью шкурку. Из покоев властительницы он вышел на отнимающихся ногах. Хорошо, что по случаю визита к Госпоже он принарядился, надев поверх парчового халата ещё один, с дорогой меховой опушкой, и под этим, вторым, никто не видел насквозь промокшую от холодного пота спи-

ну первого...

Надо было что-то делать с этой рыжей. С этой тощей дрянной девчонкой, в недобрый для него час однажды попавшейся на глаза Хромцу.

Подобно подстреленному зверю, ему требовалось уползти в свою нору, зализать раны и отлежаться. Выпить успокоительного эликсира, унять жжение в груди, отдающееся ломотой под левой лопаткой, обдумать всё, понять, чего на самом деле стоит бояться, а что из опасений преувеличено... Должно быть, он стареет. Ещё лет пять назад предостережение валиде не застало бы его врасплох, не поразило бы, подобно удару молнии, от макушки до пяток; напротив, он нашёл бы силы поклониться с достоинством и с печатью оскорблённой невинности на лице, как вернейший слуга, на которого возводят напраслину. И проклятое сердце тогда не дёрнулось бы лишний раз, не заметалось, как птичка, рвущаяся из клетки. Впрочем, тогда груз его грехов был меньше на целых пять лет.

Но ведь он и сейчас ещё умеет не терять лицо. Да, он получил недвусмысленное предупреждение – но не скончался на месте, а ушёл с достоинством, невозмутимо, как и полагается всеми уважаемому человеку... Он уловил краем глаза склонившихся в подобострастных поклонах молоденьких евнухов, что вечно дежурили под окнами валиде в ожидании распоряжений; расправил плечи и приосанился. Жаль, что не растут усы и борода, а то он огладил бы их сейчас, вроде

как в благородной задумчивости, как это не раз проделывали наимудрейшие визири Великого. Очень уж этот жест придаёт значимости...

Он всё ещё у власти. Он не менее важен для Хромца, чем все его советники и янычары, не стоит об этом забывать. Как часто на его памяти случалось, что опасения, из-за которых он рисовал в своём воображении голый камень-надгробье на своей свежайшей безымянной могиле, оказывались ложными! Даст Аллах, пронесёт и сейчас.

А пока – ему надо отлежаться.

Нет. Сперва он навестит невольную виновницу своих возможных несчастий, или будущую повелительницу, это уж как кинет кости переменчивая Судьба, как её называли древние латиняне – Фортуна... Но чтобы эта переменчивая в своих пристрастиях особа проявила благосклонность – надо хоть раз в жизни рискнуть по-крупному.

Главный евнух, не выдержав, оглянулся на просторный двор, окружённый высокими стенами дома Гизем и её внучки, на пышные розовые кусты, так сегодня и не обагрённые его кровью... У него слишком богатое воображение. Пора идти, да придаст Всевышний силы его ногам, которым долго сегодня ещё вышагивать по бесконечным залам, коридорам и лестницам Дворца наслаждений!

Сераль, это маленькое государство, на самом деле представлял собой обособленный квартал внутри целого комплекса зданий великолепной ТопКапы, резиденции Велико-

го Султана. В нём хватало места и для нескольких дворцов – гаремов для рядовых одалисок; и для покоев валиде-султан; и для изолированного от остальных, пока пустующего, домика для возможных шахзаде, не допускаемых к власти, но оставленных в живых. Был здесь и отдельный особнячок Избранных, куда переселялись фаворитки, удостоенные высокого звания икбал. Туда-то и направил стопы злополучный Махмуд-бек, решив на всякий случай переговорить с прекрасной новой звездой Сералья о только что произошедшем разговоре. Кто-кто, а Гюнез должна знать о возникших у матери султана подозрениях, в общем-то, не беспочвенных. Рыжегривая однажды согласилась на его игру, так пусть теперь сама ощутит, каково это – рисковать собой. Не всё же ему подставлять свою многострадальную голову. А плахи не миновать, если Повелитель узнает о том, как он его... Нет, не обманул, просто старался сделать, как лучше!..

У самого входа в Дом Избранных, когда разряженные чёрные стражи уже распахнули перед капа-агасы высокие двери, украшенные лазуритом, его догнал мальчик-посыльный, из тех скороходов, не достигших двенадцати лет, которых отправляли по дворцам и залам с поручениями. Ибо ТопКапы был воистину громаден – только в длину он протянулся на три с лишним европейских мили, а с обеих сторон выходил и на Босфор, и на Мраморное море, занимая по ширине чуть ли не весь мыс Сарайбурну. И для того, чтобы доставить известие от входных ворот до Ворот Счастья, например, или

из Дивана в Дом Звездочёта, требовалось не менее четверти часа, и это для молодых и быстрых ног, а ведь ещё нужно было отнести ответ! Вот и шныряли по всем углам юркие мальчишки, которые, впрочем, несмотря на нежный возраст, уже прошли некую обязательную операцию, после чего отпадала необходимость дотошно следить за их взрослением. Просто после достижения двенадцати лет они переходили в ранг евнухов или прислуги...

– О многомудрый! – зачастил запыхавшийся парнишка и, вспомнив о правилах, истово поклонился, уронив с обритой головы тюрбанчик и страшно покраснев ушами. – О...

Запнулся, позабыв слова традиционного приветствия. В иное время ему такое не простилось бы, но сейчас Главный Евнух лишь отмахнулся.

– Короче, бестолковейший отрок! Кто тебя послал?

– Велено передать, что Величайший из величайших ждёт тебя после заседания Дивана, о Махмуд-бек-ага, сразу же после того, как разойдутся визири. Нурислан-бей, его учёный секретарь, просил сказать от себя лично, чтобы ты поторопился, потому что через час после этого ожидается приезд франс...ц ... франн... – Мальчик зажмурился, помотал головой, отчаявшись выговорить трудное слово. Нашёлся: – ... Послов из Франкии, с которыми у Повелителя важные переговоры, поэтому тебе никак нельзя задерживаться. Нурислан-бей очень советовал не испытывать терпение Повелителя.

Махмуд-бек в который раз за это позднее утро приложил руку к сердцу, ощущая неприятное жжение под грудиной. Взгляд его невольно устремился за край особняка, где, в отдалённом углу высокого забора таилась крошечная, вроде бы заброшенная, дверка. Мало кто знал, что открывалась она в широкую наклонную трубу, по которой, щедро политой маслом, прямо в глубокие воды Босфора отправлялось ещё живое тело очередной провинившейся одалиски. Неожиданно для себя он представил, как двое мускулистых арапов запихивают в мешок связанную по рукам и ногам, извивающуюся и мычащую сквозь запихнутую в рот тряпку женщину, как скрывается в кожаном жерле знакомая рыжая грива, перевитая нитями жемчуга...

Всё зло от женщин.

Как бы не взрастил он, на свою голову, не Повелительницу, а Лилит, что погубит его и себя...

Однако прочь дурные мысли. Это всего лишь неудачный день. Его надо просто пережить.

– Не говорил ли почтенный Нурислан-бей, в каком настроении сегодня Повелитель? – обратился он к мальчику. Всегда, прежде чем идти на подобные встречи, он предпочитал узнавать, не штормит ли над морем Высочайшего благополучия духа. Бывало, что даже очередная непогода в Стамбуле вызывала ломоту в застуженных однажды на зимовке суставах Хромца, отзываясь весьма весомыми громами и молниями, летящими в его подданных.

– Великий Султан нынче, как и обычно, подобен солнцу, радующему мир. Он в добром здравии, полон сил и здоровья, да продлятся его дни ещё тысячу лет, – заученно отбарабанил посыльный. – Изволил дважды пошутить и почти ни на кого не сердился.

Украдкой капа-агасы сложил пальцы левой руки в благодарном жесте Судьбе. Ну... глядишь, не за тем же самым зовёт, что и валиде. Глядишь... обойдётся.

Нуха-ханум заметно нервничала. И эта её нервозность невольно передавалась всем – и простым служанкам, на которых так и сыпались пинки и затрецины, и наставницам-«курицам», из чьих подопечных предстояло выбрать «подарки»... Злыдню лихорадило. Все вокруг понимали, что поручение ей дано ответственное, политически важное, и ничего удивительного, что уважаемая Нуха пребывает с небольшим расстройстве чувств. Но никому и в голову не приходило, что в первую очередь она бесилась из-за Кекем.

За остальных одалисок Нуха была спокойна. Как-никак, их выберут из достойнейших, прошедших испытания. Но эта, эта...

Пользуясь тем, что наставницы из-за её косноязычия не любили вести с ней долгие беседы, Кекем училась, спустя рукава, больше уделяя внимание чтению и рукоделью, а уро-

ками любовной страсти откровенно пренебрегала. Да никто, собственно, и не думал всерьёз предложить ей однажды остаться на смотрины; в дни посещения Великим их уголка гарема рыжую зайку поспешно выпихивали в сад с младшими девочками, чтобы не путалась под ногами у настоящих красавиц, достойных получить каплю внимания от Солнцеликого. Кто же знал, что она потребуется сегодня! Она, видите ли, подходит под запросы франков!

Началось с того, что полчаса назад капа-агасы вызвал к себе главную смотрительницу гарема и объявил волю Великого султана.

Распоряжение не являлось из ряда вон выходящим, всего-то отправить нынче вечером пятерых девушек во франкское посольство. Формально – скрасить послам скучный вечер танцами, пением и декламацией, на самом же деле – в качестве «подарков». Да, девушек отправляли к неверным, но к послам самого Его Величества Генриха, с которыми Повелитель Османской Империи, да продлятся дни его вечно, беседует уже вторую неделю, но никак не придёт к соглашению по важному вопросу. А потому, гяуры они там или правоверные – это Важные Гости, и надо рассыпаться перед ними в прах, но устроить отдых и развлечение после тяжких трудов. Завтра обсуждается судьба нескольких стратегически важных крепостей, и Повелитель желает, чтобы ночь перед этим важным событием послы провели с приятностью, увозя с собой в далёкую и прекрасную Франкию незабывае-

мые воспоминания.

«Незабываемые, ты поняла, Нуха-ханум?» – подчеркнул Махмуд-бек, многозначительно сдвинув брови и воздевая к небесам указательный перст.

А потому – девушек желательно отобрать поискуснее.

Но, вместе с тем, и девственниц. Лучших учениц, сдавших блестяще испытания на одалисок, но ещё не успевших взойти на ложе Великого. Нужна непорочность, ибо, как наслышан Махмуд-бек, хоть эти франки весьма искусны в любовных утехах, но так же весьма разборчивы и осторожны в связях на стороне, а потому здесь, в Стамбуле, не посещают даже дома наслаждений, открытые для иноверцев, опасаясь дурных болезней. Обретя для ночи любви не многоопытных мастериц своего дела, а всего лишь юных дев, они будут спокойны за своё драгоценное здоровье.

Нужно непременно подобрать девушек, соответствующих европейским вкусам, продолжал Главный Евнух. Это важно. Не надо излишней телесной полноты, сросшихся густых бровей и разрисованных хной рук и ног, их это почему-то отвращает. Впрочем, небольшое количество краски на лицах допустимо. Прозрачность одежд исключается, дабы потом не называли нас в Европах распутниками. Если есть среди твоих девушек уроженки Франкии... Есть? Прекрасно. Подбери двух, не больше, чтобы понимали, о чём там говорят послы, и могли объяснить их желания подругам. Ибо изъясняться по человечески... по-османски умеет лишь один из

послов франков, остальные общаются через толмача, но вряд ли пригласят его скоротать вечер в обществе с их «подарками». Но наши пери не должны показывать своё знание языка, чтобы не вызвать потом ин-ци-ден-та с вопросами, почему да отчего свободные франкцуженки оказались в Серале. Если хоть кто-то их них обронит слово по франкски – наутро останется без языка.

Девушек надо выбрать разных по сложению, цвету кожи и волос, наставлял капа-агасы. Франки ничем не отличаются от правоверных, они любят этакие цветники, чтобы было, на кого поглядеть и из кого выбрать. Пусть будут и худощавые, и чуть полноватые, разного роста, белокожие и смуглые, брюнетка, блондинка, русая, каштановая и... кто там ещё может быть? И рыжая. Да-да, именно так. Чтобы предусмотреть любые пристрастия ценных гостей.

Уважаема Нуха, ты всё поняла? Не узнаю тебя. В чём дело, отчего ты впадаешь в задумчивость? Или толпы наших пери сильно поредели в последнее время, и тебе не из кого выбрать? По мне, так их стало слишком много, надо проредить. Если гости останутся довольны, султан отдаст им девушек в жёны. Ты сбудешь с рук лишние хлопоты, и оба мы получим награду от Повелителя.

Если не угодят... Всё, как обычно. Можешь прямо сейчас сводить их к той калитке, показать, как выходят из Дворца Наслаждений те, кто не оправдал ожиданий Великого Султана. Очень поучительное зрелище, наставляет на путь истин-

ный самых строптивых.

Нуха-ханум, что тебе ещё?

Ах, рыжая у тебя единственная? Ах, та самая, заика? Ничего, она туда не разговаривать едет, вряд ли ей придётся читать стихи. Не слишком усердная ученица, говоришь? Ммм... Нехорошо. Однако... гяурам и в голову не придёт ждать от девственницы изысков в любовных играх. Окажись она полной неумёхой – в их понятии это лишь подтвердит её невинность. Это тебе не персы, которые требуют от дев таких изысков, что далеко не каждому из них угодишь... Ничего. Посылай. Главное что она рыженькая, франкам такие нравятся, я узнавал...

Нуха, я больше не желаю слышать твои возражения. Мне пойти и сказать Повелителю, что ты не справляешься со своими обязанностями? Боюсь, в этом случае наши головы покинут нас ещё до заката. Всевышний, да при чём здесь Айлин-ханум? И мной, и тобой распоряжается здесь не она, напомним. Найдёт себе новую ученицу. И потом: возможно, эта девчонка ещё вернётся. Если эти франки все окажутся женатыми, девушку им уже не подаришь, чтобы не вызвать осложнений у них на родине, они ведь все одноженцы... Всё, иди, Нуха-ханум. Иди, не утомляй меня, и выполняй как следует приказ нашего Повелителя, да живёт он ещё тысячу лет...

Оттого-то и нервничала Нуха-ханум, и злилась, полностью оправдывая своё прозвище – «Злыдня»!

А вот Махмуд-бей, наконец, воспарил своей евнуховской душонкой к благостным небесам спокойствия и умиротворения. Воистину, Фортуна-таки повернулась к нему благосклонным ликом! Как он умён! Как ловко оборотил слова Повелителя себе на пользу! Теперь рыжая заноза после ночи в посольстве задержится в гареме ненадолго: или отбудет навсегда, с глаз долой, в чужедальнюю страну, женой или игрушкой посла, или... Тоже отбудет. В мешок и в Босфор. Третьего не дано.

Двоих из тех, с кем предстояло ехать, Риму и Захиру, ослепительную кареглазую блондинку и черноокою брюнетку, Ирис немного знала. Они были из их гаремного зала, совсем недавно прошли собеседование с валиде, и уже успели покрасоваться на первых смотринах. И теперь не очень сокрушались тому, что выбор султана пал не на них. Уж эти-то готовы были расстараться, дабы доставить франкским гостям удовольствие! Ещё бы, такой шанс проявить себя, а заодно и урвать от этой жизни мужа или нового хозяина, не дожидаясь, пока тебя затолкают в Серале локтями более удачливые соперницы! Девы уже упорхнули в хамам, вместе с наставницами, которые сочли своим долгом непременно оделить бывших своих цыпляток последним напутствием. А как же! Лучшие ученицы! Надо непременно проследить за их

подготовкой к первому серьёзному испытанию.

По-иному складывалось с Ильхам и Хайят из второго гарема, которых Ирис почти не знала. Но, похоже, всеведущей Злыдне что-то было известно о норове девушек, потому что именно их, вместе с Кекем, в воспитательных целях Нуха-ханум препроводила к страшной калитке во дворе икбал. Должно быть, не увидела должной радости на девичьих лицах при известии о высокой миссии в посольстве. Главную смотрительницу не волновало, чем вызвано тайное недовольство избранниц. Служил ли причиной понятный девичий страх, свойственный до поры, до времени каждой второй одалиске, или мучила несвоевременная головная боль, или досада, что, если всё-таки угодят послам, то придётся отправиться вместе с ними в страшную холодную страну, оставив заветную мечту стать когда-нибудь валиде – кому какое дело? Их долг – выполнить то, для чего готовят здесь рабыней страсти. Для чего и тратится из казны полновесное золото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.